

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

8917021

Y 37

Columbia University
in the City of New York

THE LIBRARIES

ШКАФЪ	7
ПОЛКА	7
№	25

~~385~~
25

ИЗСЛѢДОВАНИЕ
ЗНАЧЕНІЯ, ПОСТРОЕНІЯ И РАЗВИТІЯ
СЛОВА ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО
И
ПРИЛОЖЕНІЕ СЕГО ИЗСЛѢДОВАНІЯ
КЪ ЯЗЫКУ РУССКОМУ.

Разсужденіе, представленное Кандидатомъ Константиномъ Зеленецкимъ ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета Философскаго Факультета 1 му Отдѣленію, для полученія степени Магистра.

МОСКВА:
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1837.

891.7021

У37

891.701

У37

44132B

По опредѣленію Университетскаго Совѣта печатаніе дозволяется. Декабря 2го дня 1856 года.

Секретарь Совѣта Михаилъ Назимовъ.

ARMILIO
VIRGILIO
VIRGILIO

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

ЗНАЧЕНІЯ, ПОСТРОЕНІЯ И РАЗВИТІЯ СЛОВА
 ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО И ПРИЛОЖЕНІЕ СЕГО ИЗ-
 СЛѢДОВАНІЯ КЪ ЯЗЫКУ РУССКОМУ.

Значеніе слова человѣческаго.

Внѣшнее выраженіе мыслей естъ существенно-необходимая потребность для всей дѣятельности мышленія. — Чпобъ надлежащимъ образомъ доказать эшо положеніе, очевидно, должны мы обратиться къ самому духу человѣческому, какъ источнику всякаго мышленія, — наблюдать его со стороны внѣшней, какъ шакой, копорая всего болѣе можетъ соприкасаться выраженію, и наконецъ — показать главнѣйшія его свойства въ эшомъ отношеніи.

Духъ человѣческой естъ исключительный, глубочайшій источникъ мышленія. Напрасно иные Философы покушались построить систему умственного и даже всего духовнаго бытія человѣческаго единственно изъ принадлежностей нашего плѣснаго организма. Напрасно многіе изъ нихъ хотѣли въ мышленіи видѣть одно только послѣдовательное видоизмѣненіе чувственныхъ обра-

зовъ, какъ бы оплепающихъ опъ предметовъ міра видимаго и ввѣдряющихся въ нашъ духъ. Выводы эпіа, кромѣ того, что были опровергнуты въ другихъ школахъ, опровергаются общимъ смысломъ. Съ другой стороны однакожь и Философы, мечпавшіе поспроить систему мышленія нашего исключительно изъ глубины человѣческаго Я, безъ всякой связи сего послѣдняго съ міромъ вещеспвеннымъ, впадали въ другую крайность и такъже ошибались, хопя съ меньшею обидою для нравспвенной природы челоуѣка. Нельзя полагапъ, что природа и міръ видимый не входяпъ въ извѣспной мѣрѣ и въ извѣспномъ смыслѣ въ соспавъ нашего мышленія. Ежедневный опыпъ убѣждаетъ, что возникающія предъ нами явленія въ мірѣ видимомъ опражаются въ сферѣ нашего умспвеннаго быпія. Далѣе, собственное сознаніе удосповѣряетъ насъ, что весь міръ знанія челоуѣческаго еспъ не что иное, какъ мысленное предспавленіе и какъ бы возсозданіе міра вещеспвеннаго, природы во всей ея нераздѣлимой цѣлости. Изъ этого не слѣдуетъ однакожь, что бы мысль челоуѣческая слагалась какимъ либо маперіальнымъ образомъ. Опъ явленій міра вещеспвеннаго она заимспвуетъ не вещеспвенную, плѣнную ихъ форму, но пу печать мысли, попъ образъ, коими Всемудрый Зиждатель запечашлѣлъ всѣ свои созданія; — заимспвуетъ слѣдовашельно полько идеальное. По-сему — мысль наша еспъ не что иное, какъ самъ духъ челоуѣческій, который предспавляетъ себѣ

какое либо бытіе и копорый посему находидся въ извѣстной, опредѣленной дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ, ничто, кромѣ главнѣйшаго организма души челоуѣка, не содѣйствуетъ процессу мышленія, совершающемуся въ глубинѣ безсмертнаго нашего духа. Ничто не ускоряетъ этого процесса, ничто не имѣетъ на него физическаго, вещественнаго вліянія (*). Мышленіе есть не только дѣятельность духа, но его самодѣятельность; потому что духъ въ самомъ себѣ, въ условіяхъ своей сущности, находидъ всѣ спихи этой дѣятельности. Результатъ сей послѣдней есть мысль, копорая, на основаніи вышесказаннаго, есть самъ духъ, представляющій себѣ какое-либо бытіе.

Вникнемъ теперь въ отношеніе, существующее между самимъ духомъ (его сущностію) и мыслию (его представленіемъ, плодомъ его самодѣятельности).

Существенная сторона духа челоуѣческаго, какъ основа всего бытія его и всякой дѣятельности, недоступна вѣднію. Сие послѣднее не обнимаетъ безконечнаго (какова сущность духа) вполне, а только въ конечныхъ, относительныхъ формахъ. Посему, если сущность духа челоуѣческаго и непоспимаема въ своей основѣ, то она доступна въ нѣкоторыхъ свойствахъ своихъ. Вывеспи эти свойства можемъ мы изъ разсмаприванія

(*) Слнч. Kant's Schreiben an Herren Soemmering, als Anhang zu seinem Organ der Seele. 1796.

самой дѣятельности духа человѣческаго (т. е. его мышленія), руководствуясь при этомъ наведеніемъ, обыкновеннѣйшимъ и попому важнѣйшимъ способомъ Логическаго дѣйствованія.

Въ дѣятельности мышленія, духъ человѣскій проявляетъ въ ея безконечно-многообразныхъ актахъ. Другими словами, — мысли его многообразны до безконечности. Изъ этого заключаемъ мы, что духъ человѣскій есть существо способное проявлять свою дѣятельность въ безконечно-многообразныхъ формахъ и актахъ, а потому существо, обладающее творчествомъ неисчерпаемымъ и въ основѣ своей — началомъ безконечнаго пребыванія, если не въ пространствѣ, то во времени. Такова главная принадлежность духа человѣческаго, разсмашириваемаго со стороны его сущности.

Что касается до главнѣйшей внѣшней его принадлежности, то есть, вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ доступенъ онъ внѣшнему, вещественному выраженію, то вопросъ этотъ разрѣшается опчасши изъ положенія, уже выведеннаго нами. То, что въ сущности своей безконечно, можетъ ли имѣть полное для себя выраженіе? Очевидно нѣтъ; ибо въ противномъ случаѣ безконечное содѣлалось бы конечнымъ, т. е. неопредѣленное, неуловимое — опредѣленнымъ, наличнымъ. Слѣдовательно, безконечно-шворящему духу человѣческому оспается возможность выражать себя только не вполне, т. е. какимъ либо односпорно-

нимъ способомъ (*). И пакъ духъ *человѣческой*, будучи *разсматриваемъ со внѣшней стороны*, является *существомъ не представляющимъ для себя никакой полной, опредѣленной формы* (**). Повторяемъ, онъ если и опредѣляется ею, то опредѣляется

(*) Дѣйствительно! сколь бы высоко ни было какое либо произведение на прим. въ мѣрѣ изящныхъ искусствъ, — оно всегда, послѣ ближайшаго съ нимъ ознакомленія, дѣлается чѣмъ по обыкновеннымъ, какъ бы наскучиваетъ. Причина этому содержишься въ томъ, что въ какой бы мѣрѣ ни выражалась мысль художника въ его твореніи, сіе послѣднее всегда оставляетъ за собою нѣчто невыраженное, невысказанное. Рафаэлева Мадонна выражаетъ всю свяшость Пречистой Дѣвы; но воспретъ, пишомый наблюдателемъ къ эпохѣ картинъ, дѣлится только до той поры, пока онъ всею душою своею слипъ съ мыслию Рафаэля, пока одна эша мысль занимаетъ его собою. Но едва вниманіе наблюдателя успѣло возвратиться къ себѣ, онъ мыслипъ уже о многомъ, чего нѣтъ въ картинѣ Рафаэля. Вообще въ подобныхъ случаяхъ изъ одной частной мысли духъ переходитъ въ другую, шрешью и изъ каждой изъ нихъ, какъ бы послѣдовательно съ различныхъ сторонъ, наблюдаетъ безконечную картину бытія. Впрочемъ брешное око *человѣческое* съ какой бы стороны ни обнимало эшу картину — оно никогда не обниметъ ее во всей полнотѣ и съ желанною ясностию. Только части великаго цѣлаго доступны ему; само же оно какимъ по неяснымъ, шуманнымъ образомъ запечатлѣно въ сердцѣ челоѣка.

(**) Эша мысль, вообще принятая всеми современными Психологами на Русскомъ языкѣ удовлетворительно прояснена въ переводѣ сочиненія Бахмана: *Всеобщ. Начерт.*

только въ частномъ видѣ, а посему самому не вполне, одностороннимъ образомъ.

Разсмотримъ свойства духа нашего, перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію мысли и къ показанію ея отношенія къ общей сущности духа.

Мы не знаемъ, на какомъ законѣ основывается возможность духа представлять себѣ предметы внѣшніе, равно какъ и то, каковъ внутренній, основной организмъ человѣческаго мышленія. Тѣмъ не менѣе однакожъ мышленіе челоѣка не есть результатъ какого-либо вещественнаго процесса, но живая и сознательная дѣятельность его собственной души. Въ этомъ убѣждаетъ насъ во первыхъ неисчерпаемое множество мыслей въ духѣ; во вторыхъ, способность, по коей разумъ можетъ переходить отъ одного представленія къ другому, сколь бы опдаленно ни было ихъ содружество; въ третьихъ, — идеи блага, истины и красоты, которыя хотя и составляютъ верховную цѣль всей дѣятельности мышленія, но обрѣтающіяся духомъ первоначально только въ его сущности. Духъ мыслитъ самъ собою и мысль его не есть что-либо отъ него опдѣльное, но самъ онъ представляющій себѣ какой-либо предметъ, какое-либо явленіе. Конечно, каждая мысль челоѣка складывается изъ двухъ стихій: а) изъ соб-

Теорія Искусствъ. Москва 1832. Впрочемъ слич. Hegel's Encycl. der Philos. Wissenschaften. Heidelberg. 1832. §. 391 и слѣд.

спвенной сущности духа, в) изъ явленій міра видимаго; но эти явленія, будучи воспріяты духомъ, какъ матеріаль, прешворяются имъ (помощію мышленія) въ его собственное бытіе, въ его жизнь. И пакъ мысль духа человѣческаго есть самъ же этотъ духъ, только въ какомъ либо ограниченномъ, частномъ видѣ существующій, т. е. представляющій себѣ то или другое бытіе (*).

Въ какомъ же состояніи находился духъ человѣчскій въ самую минушу мышленія, произрожденія мыслей? До эпои минушы онъ оспавался сосредоточеннымъ въ самомъ себѣ, въ своей безусловной и безразличной сущности. Онъ не сознавалъ себя, потому что, не будучи превожимъ никакимъ явленіемъ внѣшнимъ и слѣдовательно ничего не противопологая самому себѣ, не имѣлъ въ эпомъ надобности. Но явленіе возникло. Духъ, обрѣшая его въ своей сущности, созерцаетъ какъ нѣчто новое, чуждое. Этимъ самымъ безусловная, спокойная сущность его возмущилась. Она пробуждена къ дѣятельности. Первая потребность эпои дѣятельности — возстановить прежнюю самобытность духа. Для эпого надобно достигнуть явленіе, дать себѣ въ немъ опчетъ, опредѣлить, сознавъ самага себя вполне. Начи-

(*) Слич. Lehrb. zur Psychologie von J. F. Herbart. Königsberg 1834 г. Zweiter theil. VI Capit. Von der Zusammenwirkung und Ausbildung der Geistesvermögen.

нается дѣятельность мышленія. Духъ усваиваетъ себѣ явленіе и опъ общей сомкнутой въ самой себѣ сущности переходить къ возникшему въ немъ представленію. Если можно пакъ выразиться, онъ дѣлается весь представлениемъ, мыслию. Эта мысль однакожь естъ полько актъ его дѣятельности, полько явленіе, возникшее въ его сущности, или говоря вѣрнѣе, полько событіе съ сею сущностію, полько частное, временное ея состояніе, а не сама эта сущность. Посему по въ мышленіи духъ человѣческой является какъ бы раздвоеннымъ: въ основѣ своей, въ своей сущности онъ оспается бытіемъ безконечнымъ, неопредѣлимымъ; въ дѣятельности же своей, въ своемъ мышленіи — бытіемъ конечнымъ, вполне опредѣлимымъ (*). Тамъ не менѣе однакожь объ этъ вѣрви, ш. е. и сущность духа и его мысль, находясь вмѣстѣ, въ одномъ общемъ содержаніи его жизни.

Спрашивается, каково ихъ взаимное отношеніе? Двойство ихъ, которое силится я содѣлать сколь возможно болѣе яснымъ, различиваетъ содержаніе духовной жизни челоѣка и уничтожаетъ сомкнутое въ самомъ себѣ бытіе духа, его безусловный покой. *Сущность духа и его конечная мысль, находясь вмѣстѣ, требуютъ покрайней мѣрѣ рѣзкаго между собою отдѣленія.* Дѣйствитель-

(*) См. Логикѣ Бахмана Часпъ первую, Отдѣленіе первое. —

но! выше сего мы уже говорили, что духъ чело-
вѣка, чтобы сохранивъ свою самоспопашельность,
долженъ понявъ возникшее въ немъ явленіе,
дасть себѣ въ немъ опчешъ, опредѣлишь его оп-
ношеніе къ самому себѣ; а для всего этого ему
необходимо, какъ бы испоргнуть изъ себя эту
возникшую въ немъ другую половину своего бы-
тія (свою мысль) и созерцать ее, какъ бытіе,
хотя произведенное самимъ имъ, возникшее въ
немъ самомъ, но совершенно опдѣльное опъ него,
самобытное.

Изъ всего этого очевидна не только потреб-
ность, но необходимость вгншяго выраженія для
мышленія. Повторяемъ, безъ этого духъ долженъ
спшовалъ бы сущность свою покоришь мысли,
унизилъ себя предъ своимъ представленіемъ, дол-
женъ спшовалъ бы оспаваться существомъ спрада-
пешельнымъ, а это прошивно его безусловной, божес-
пвенной природѣ. Въ этомъ по заключающаея при-
чина, по коей художникъ, не выразивъ своей мыс-
ли, всегда оспашаея взволнованнымъ ею. Въ самомъ
дѣлѣ, чѣмъ яснѣе мысль, тѣмъ болѣе — ея особ-
ность, ея опдѣльность опъ всѣхъ другихъ мыслей; но
вмѣстѣ съ симъ и тѣмъ болѣе пребуеетъ поставле-
нія рѣзкихъ границъ между собою и своимъ испочни-
комъ (духомъ), *требуеетъ выраженія*. Мысль, поль-
ко выраженная и посему только доведенная до выс-
шей спешени особности, имѣеетъ свое достоин-
ство; ибо только въ этомъ случаѣ вполне опре-
дѣляея и дѣлаея поняшною и ясною.

Такимъ образомъ изъ природы самаго духа чело-
вѣческаго, изъ свойствъ самаго мышленія вывели
мы (или, по крайней мѣрѣ, спарались вывести)
необходимость внѣшняго выраженія для нашихъ
мыслей. *Изъ всѣхъ способовъ, какими только чело-
вѣкъ обладаетъ для выраженія своихъ мыслей, пол-
нѣйшій есть словесный. (*).*

Три обспояпельства можно почипаать глав-
ными причинами того, что для выраженія мыслей
словесный способъ болѣе соопеѣпспвуентъ раз-
умнѣнїю. А. Человѣкъ, будучи организованъ для
мысли, вмѣспѣ съ симъ организованъ и для слова.
В. Порывъ духовной природы челоуѣка въ мышле-
нїи сопровождается и порывомъ его тѣлеснаго орга-
низма въ звукахъ, выражается въ немъ. С. Голосъ
челоуѣка, служащїй вещеспвенною основою его
слова, представляетъ собою полнѣйшее разнообразіе
для выраженія всевозможныхъ изгибовъ мысли. Раз-
смопримъ каждое изъ сихъ обспояпельствъ по-
рознь.

А. Какимъ образомъ можемъ мы предспавить
себѣ перваго челоуѣка, который конечно первый
долженспвоавъ упопребитъ слово для выраженія
мыслей? Очевидно, если мы называемъ его чело-
уѣкомъ, то онъ долженспвоавъ уже соопеѣпспво-
вавъ логическому опредѣленїю поняпїя: „Чело-

(*) Tiedemann's Versuch einer Erklärung des Ursprungs der
Sprache. 1772.

вѣкъ," т. е. бытъ чувственно — разумнымъ существомъ. Мы знаемъ припомъ, что духъ и плѣо челоуѣка связаны въ немъ узломъ самой жизни его, самого бышя. Безъ даннаго устройсва плѣснаго могутъ ли существовать въ челоуѣкѣ его пять чувственныхъ органовъ, а безъ сихъ послѣднихъ возможно ли непосредственное сближеніе познающаго ума челоуѣческаго съ предметами міра видимаго? Священное Писаніе говоритъ, что челоуѣкъ, это послѣднее звено шворенія, изшелъ изъ рукъ Творца совершеннымъ, что онъ созданъ былъ по образу и по подобію Божию. Изъ этого нельзя не видѣть, что въ первую минуту, какъ только мышленіе пробудилось въ челоуѣкѣ, какъ только челоуѣкъ началъ бытъ челоуѣкомъ, — органы его слова были уже устройены надлежащимъ образомъ. Голосъ его уже оплчался музыкальностью, гибкостью. И шакъ слово, въ первую минуту жизни челоуѣка, уже гошовой было воспріяшь ту искру Божественнаго разума, которую Творецъ - Вседержитель озарилъ челоуѣка.

В. Порывъ духовной природы челоуѣка въ мышленіи сопровождался порывомъ его плѣснаго организма въ звукахъ и выразился въ сихъ послѣднихъ. Въ душѣ челоуѣка находилъ узелъ, связующій его безсмертный духъ съ бреннымъ плѣомъ. Въ ней обрѣшается первоначальная основа всякой умственной и плѣсной дѣятельности нашей. Тамъ другая припомъ изъ сихъ послѣднихъ выражается первоначально въ чувствованіи. Дѣятель

ность чувствованія связуешь умственную съ плѣсною дѣятельностію чловѣка. И такъ первоначальное дѣйствіе образуетъ міра внѣшняго на духъ, это первоначальное побужденіе къ мысленію, отразилось въ душѣ чловѣка, п. е. въ его глубокомъ, внутреннемъ чувствѣ (*). Сіе послѣднее какъ такое, которое дѣйствуетъ двумя способами: духовнымъ (мысленіемъ) и вещественнымъ (плѣодвиженіемъ) отъвѣчалю этому дѣйствію двумя направленіями: направленіемъ мысли, чисто-духовнымъ, и звукомъ, направленіемъ чисто-вещественнымъ. Оба они были равно голосомъ чувства въспревоженного, возбужденнаго; оба выражали порывъ духа ко внѣшности; оба имѣли направленіе средобѣжное. Порывъ чувства въ мысленіи былъ однакожъ не только несравненно выше, dospойнѣе порыва въ плѣодвиженіи, но сей послѣдній долженствоваль лишь сопровождать его собою, служить лишь отголоскомъ его, а въ этомъ смыслѣ и выраженіемъ. Изъ всего здѣсь сказаннаго заключаемъ, что духовное чувство чловѣка, возбужденнаго къ мысленію, предшествовало сему послѣднему, какъ его основѣ, и потому, уже произведши это мысленіе, сопровождалю его благороднѣйшимъ и ближайшимъ порывомъ плѣснаго организма, порывомъ слова; — сопровождалю же потому, что собою, какъ сказано вы-

(*) Слѣч. Histoire naturelle de la Parole ou Grammaire Universelle par Court de Gébelin. Paris. 1816. Гл. V въ Отдѣленіи: Origine du langage.

ше, оно связываетъ духовную и шѣлесную дѣятельность чловѣка.

Съ другой стороны, предчувствіе, эпопѣйный голосъ чувства, могъ возвысить чловѣку, пробужденному къ мышленію, что въ звукахъ своихъ онъ найдетъ полнѣйшій матеріалъ для воплощенія своей мысли (*). Основываясь на этомъ предчувствіи, чловѣкъ конечно могъ сопроводить мысль свою звукомъ и выразить ее въ семь послѣднемъ.

С. Голосъ чловѣка, служащій вещественною основою его слова, представляетъ собою полнѣйшее разнообразіе для выраженія всевозможныхъ изгибовъ мысли. Положеніе эпо споль очевидно, что не пребудетъ распространенія въ доказательствахъ въ свою пользу. Спобитъ по этому случаю упомянуть только о различіи между согласными и гласными буквами; о раздѣленіи первыхъ изъ нихъ на шипящія, свиспящія, зубныя, язычныя, горпанныя и проч.; о различіи одногласныхъ, полугласныхъ и двугласныхъ между впорыми. Всѣ онѣ вмѣстѣ, въ своей совокупности, составляютъ спройный, правильный организмъ, споль же гибкій, какъ и сама мысль, и споль же какъ она способный къ тончайшимъ измѣненіямъ. Кроме этого, организмъ эпопѣйный вполне соотвѣтствуетъ организму мысли. Такимъ образомъ гласныя выража-

(*) См. Ballanche. Essai sur la Palingénésie sociale.

юпъ собою преимущественно дѣйствія духа (подлежательную сторону нашего мышления), согласныя — своимъ споль обширнымъ разнообразіемъ — преимущественно впечатлѣнія природы внѣшней (слѣдоваательно подлежательную сторону мышления).

И такъ значеніе слова человеческого, въ отношеніи къ мышленію, опредѣляется во первыхъ тѣмъ, что высшее выраженіе мыслей есть существенно-необходимая потребность для всей дѣятельности мышления, а во вторыхъ тѣмъ, что слово есть полнѣйшее и совершеннѣйшее изъ всѣхъ средствъ, какія только существуютъ для такового выраженія.

Построеніе слова человеческого.

Реченія сами собою составляютъ простой материалъ языка и внѣ собственно словесной формы не содержатъ въ себѣ никакого органическаго устройства. Вся цѣнность ихъ дѣйствительна только въ той мѣрѣ, въ какой они способны выразить самую мысль; но каждое реченіе, само по себѣ, въ своей отдѣльности, не можетъ представить намъ дѣйствій самаго мышленія, не можетъ обнять мысль во всей ея полнотѣ. Оно только указываетъ на предметъ этой мысли, следовательно выражаетъ ее слишкомъ неопредѣленно. Для того, чтобы выразить мысль вполне, нужно предложение, эта первоначальная словесная форма. Только въ предложении отражается вполне ходъ и дѣйствія нашего мышленія. Далѣе, что реченія внѣ собственно словесной формы, не содержатъ въ себѣ никакого органическаго устройства, — это явственно слѣдуетъ уже изъ того, что измѣняются по родамъ, числамъ, склоненіямъ, спряженіямъ они могутъ лишь въ томъ случаѣ, когда входятъ въ составъ предложенія (*). Возражать, можетъ быть, что частіи рѣчи могутъ измѣняться по ро-

(*) Wolf's Philosophische Grammatik, в его Vorlesungen über die Alterthumswissenschaft. 1 Band.

дамъ , числамъ и проч., могутъ быть склоняемы или спрягаемы и сами собою, какъ это видимъ мы въ Грамматикахъ, по коимъ учаща дѣти. Должно однакожъ замѣтить, что при этомъ всегда подразумѣвается слово, управляющее тѣмъ измѣненіемъ, коему подвергается данное реченіе. Припомъ же, что означаютъ собою голыя измѣненія частей рѣчи по падежамъ , родамъ , числамъ ? Очевидно , только извѣстные способы упопреляющъ эти части рѣчи въ извѣстныхъ случаяхъ (*).

И такъ основная органическая словесная форма для выраженія нашихъ мыслей есть предложеніе, коего существенно необходима части построенія суть имя и глаголь. Чтoby надлежащимъ образомъ доказатъ эти слова, мы должны обратимся къ самой мысли; ибо слово есть не что иное какъ только ея выраженіе (**).

(*) Это весьма удовлетворительно развито въ Куръ-де-Жебеленовой: *Histoire Naturelle de la Parole ou Grammaire Universelle*. Paris. 1816, которая есть не что иное, какъ сокращеніе 2го и 3го томовъ извѣстнаго сочиненія того же автора: *Le Monde Primitif analysé et comparé avec le monde moderne*. Не смотря на опусканіе строгой системы и на взглядъ автора, не совсемъ вѣрный, эта книга всегда можетъ быть читана съ пользою.

(**) Въ изданныхъ мною книжкахъ подъ заглавіемъ: *Опытъ изслѣдов. нѣкоторыхъ теоретическихъ вопросовъ*, я уже имѣлъ случай писать о построеніи слова человѣческаго. Чтoby остаться вѣрнымъ самому себѣ, я сохраняю здѣсь тѣже положенія и то же ихъ азбуки.

Мышленіе челоуѣка имѣетъ предметомъ своимъ міръ внѣшній, окружающій его сознаніе. Главнѣйшія условія міра внѣшняго, равно какъ и всего конечнаго, суть *пространство и время*, кои, какъ исключительными координами, опредѣляются всякое явленіе въ мірѣ видимомъ, всякая жизнь. Изъ этого видимъ мы, что мышленіе наше, какъ воспроизведеніе міра внѣшняго, должно обнимать его съ сихъ двухъ равно существенныхъ споронъ его бытія, а, по сему самому, содержащъ въ себѣ и спороны, копорыя бы онымъ соопвѣтствовали. Но въ числомъ видѣ мысли (ш. е. въ невыраженномъ ея состояніи), если не невозможно, по крайней мѣрѣ весьма трудно открытъ сии спороны; потому что каждая изъ нашихъ мыслей, небудучи выражена, есть еще бытіе, не имѣющее полной наличности, бытіе близкое къ неопредѣленности.

Такимъ образомъ мы должны обратиться къ слову, какъ выраженію мысли, и въ немъ описывать тѣ спороны, кои въ мірѣ мышленія соопвѣтствуютъ двумъ вышеозначеннымъ координамъ всякаго бытія конечнаго: пространству и времени. Безъ имени существеннаго и глагола, такимъ или другимъ способомъ взаимно соединенныхъ, не можетъ быть полного выраженія мысли (*). *Имя сущительное* выражаетъ пред-

(*) Слич. въ Bernhardy: Grundlinien zur Encyclopädie der Philologie (Halle. 1832.) въ Опдѣлѣ: Organon der Philologie, — die Philosophische Grammatik. § 189 и слѣд.

мепь въ помь видѣ , въ какомъ эпопѣ предметъ *содержится въ пространство*. Глаголь выражаепь бышье его во времени. Поелику же природа , во всѣхъ своихъ явленіяхъ , предспоипь какъ нѣчто живое, дѣятельное, и каждое изъ сихъ явленій равно содержишь, какъ сущеспвенныя свои свойсва и очерпашельность въ проспранспвѣ и измѣняемость во времени; по и мысль наша , какъ впообразъ сего явленія , можешь и должна обнимашь его полько съ обѣихъ вмѣстѣ равносущеспвенныхъ споронъ его бышія, ш. е. со спороны проспранспва и со спороны времени совокупно. Иначе мысль наша будепь понимашь предметъ не во всей полнопѣ его значенія , — упущипь шу или другую спорону его сущеспвования.

Посему - по имя сущеспвишельное и глаголь сущь необходимыя принадлежностп не полько каждаго предложенія , но и въ опдѣльностп каждаго реченія, по мѣрѣ шого, какъ эпо реченіе силпшся выразишь мысль въ формѣ сколько нибудь органической. Слова , разсмаприваемыя сами по себѣ , (какъ на примѣрѣ они разспавлены въ Словаряхъ), ш. е. какъ проспые звуки , какъ маперіаль, ничего не значапъ: полько совокупленныя въ предложеніе они имѣюпъ значеніе. (*) Такъ на при-

(*) См. Tiedemanns Versuch einer Erklärung des Ursprung's der Sprache. 1772. Bernhardy. стр. 195 сказано по этому поводу слѣдующее: Den Anfang und Stamm dieser Forschung (d. h. der Phil. Gramm.) bildet der Satz, in dessen Einheit jeder element künstiger Redetheile verborgen ist.

мѣръ, если я произношу слово: „камень,“ по непремѣнно, хотя недовѣдомо для самаго меня, мыслю при этомъ: камень есть“ (или „не есть,“ — но одно изъ двухъ). Иначе, что же будетъ значить произнесенное мною слово; какую мысль будетъ выражать оно? Чтобы понять предметъ, имъ выражаемый, мы должны прибавить по крайней мѣрѣ существующе ли онъ, или нѣтъ. Глаголь *быть* имѣетъ ближайшимъ подлежащимъ все сущее, а потому и называется глаголомъ *общимъ*. Но симъ глаголомъ выражается только самый общій способъ существованія предмета (говоря просто: одно существованіе его); если же мы хотимъ выразить болѣе частное значеніе (состояніе, положеніе) предмета; то должны употребить и глаголь, имѣющій болѣе частное значеніе. Изъ этого мы заключаемъ, что, подобно тому, какъ каждый предметъ имѣетъ какое либо положеніе или состояніе во времени (по крайней мѣрѣ по положеніе, въ коемъ находится все существующее); такъ и каждое, соотвѣтственное сему предмету имя существительное, имѣетъ свой глаголь. По крайней мѣрѣ ему приличествуетъ глаголь „быть“ или отрицательная форма его: „не быть“. (*)

Произнося имя существительное, мы необходимо предполагаемъ извѣстный способъ бытія или

(*) См. Court de Gébelin. Hist. Natur. de la Parole. Section II. Chap. V.

дѣйствія того предмета, къ которому оно относится. На оборотъ, произнося глаголь (дѣйствіе), предполагаемъ предметъ, къ которому онъ относится или долженъ и можетъ относиться. Глаголь выражаетъ собою состояніе или дѣйствіе, а можетъ ли существовать состояніе или дѣйствіе безъ предмета дѣйствующаго, — предмета, котораго такъ или иначе состоишь? Поэтому каждая изъ сихъ двухъ частей рѣчи, произнесенная опредѣленно, какъ реченіе (слѣдовательно какъ мысль еще не вполне развитая,) по крайней мѣрѣ предполагаетъ собою другую изъ нихъ. Напримѣръ, предложеніе (какъ мысль вполне опредѣленная) безъ наличнаго имени и глагола обойтись не можетъ. Въ эпосѣ, кромѣ вышепредсказаннаго вывода, удостоверяетъ и сама дѣйствительность. Повсюду, какъ въ каждомъ явленіи бытія пространствъ и время не отдѣлимы между собою, ибо условливаются самимъ существованіемъ сего явленія; такъ и въ каждой мысли, какъ повсюду извѣснаго явленія изъ области бытія дѣйствительнаго, должны содержаться спорныя, соотвѣтственныя пространству и времени, координаты самаго предмета мысли. Глаголь и имя существительное суть первоначальныя, основныя стихіи слова и координаты мысли, какъ пространство и время — первоначальныя координаты бытія.

Изъ вышеизложеннаго выводимъ мы, что первая органическая форма слова должна необходимо

состояшь по крайней мѣрѣ изъ имени и глагола, такимъ или другимъ способомъ взаимно соединенныхъ, и что по сему самому она естъ не что иное, какъ предложеніе. Далѣе, — если одно простое реченіе органически выражаетъ собою мысль; то оно, по необходимости, предполагаетъ собою другое, по смыслу съ нимъ связанное.

Соотвѣтственно существительнымъ категоріямъ нашего мышленія (количеству, качеству и отношенію предметовъ) глаголь и имя существительное измѣняются для означенія сихъ категорій. Припомъ измѣненіе ихъ по категоріи отношенія опредѣляется взаимоотношеніемъ имени и глагола.

Впороспепенныя часпи рѣчи, изъ коихъ построается предложеніе, служатъ или: 1) для полнѣйшаго опредѣленія имени или глагола, со стороны количества, качества и отношенія, или 2) для опредѣленія связи между часпями предложенія (*).

Имя существительное и глаголь суть первоначальныя стихіи слова и предложеніе, изъ нихъ составленное, естъ какъ бы осповъ всякаго другаго предложенія. Всѣ оспальныя часпи рѣчи

(*) Слич. Bernhady. Стр. 199. — Вообще можно замѣтить, что Филос. Грамматика, помѣщенная эпимъ писателемъ въ его Энцикл. Филологіи, естъ, сколько мнѣ извѣстно, одна изъ лучшихъ.

должны быть нами рассмотрѣны, какъ опредѣленія имени существительнаго и глагола, ш. е. самаго предмета или его дѣйствія. Посему эти опредѣленія должны быть раздѣляемы также по категоріямъ количества, качества и отношенія.

Прежде мы наблюдали имя существительное какъ простое выраженіе предмета, внѣ отношенія къ признакамъ сего послѣдняго. Теперь обратимъ вниманіе именно на эти признаки предметовъ. Для означенія ихъ существуетъ особый отдѣлъ реченій, *имя прилагательное*. Имя прилагательное есть та часть рѣчи, которая служитъ для опредѣленія какъ внѣшнихъ отношеній и качества, такъ и количества предметовъ, выражаемыхъ именемъ существительнымъ.

Прилагательныя, опредѣляющія *качество* именъ существительныхъ, бываютъ, смотря по значенію самаго этого качества, двухъ родовъ. Качество можетъ относиться или къ содержанію самаго предмета (быть собственно качествомъ), или выражать только случайную принадлежность предмета (его обстоятельство). Въ первомъ случаѣ получающіяся прилагательныя, называемыя *качественными*, а во второмъ прилагательныя *обстоятельственныя*.

Прилагательныя, означающія *количество* именъ существительныхъ, называются *именами числительными*. Они такимъ же образомъ имѣютъ свои отдѣлы. Тѣ изъ нихъ, кои выражаютъ последовательность предметовъ, называются *поря-*

дошными; означающія же собственно количество называются *количественными*. Къ симъ послѣднимъ, какъ къ своему общему, относятся *дробныя и собирательныя числительныя имена*.

Мы представили частныя рѣчи, служащія для опредѣленія имени существительнаго. Теперь естественнымъ образомъ должны обратиться къ той частной рѣчи, которая служитъ опредѣленіемъ глагола.

Всякій глаголъ уже самъ собою выражаетъ всё принадлежності дѣйствія, имъ означаемаго, какъ то: способъ, мѣру, время дѣйствія и проч. Поэтому для частныя рѣчи, служащей опредѣленіемъ его, оспаются только обстоятельство дѣйствія. Эти обстоятельства состоятъ изъ тѣхъ внѣшнихъ условій, при коихъ дѣйствіе происходитъ и кои выражаются, какъ уже упомянуто нами, *нарѣчіями*.

Нарѣчія такимъ же образомъ подвоятся подъ три вышеозначенныя категоріи всякаго мышленія. На основаніи этихъ категорій они раздѣляются на: 1) *нарѣчія качества*, 2) *количества* и 3) *отношенія*. Сія послѣдняя припомъ раздѣляется на новыя опдѣлы.

Предлоги употребляются для означенія взаимныхъ опношеній между предметами въ пространствѣ. Они составляютъ связь сихъ послѣднихъ въ мѣрѣ слова, и припомъ, какъ мы уже сказали, опредѣляютъ собою эту связь. Посему по во многихъ языкахъ, они замѣняютъ измене-

нїа окончанїй именъ существительныхъ по падежамъ.

Союзы выражаютъ собою взаимоотношенїя между дѣйствїями, и, если въ предложенїе входитъ нѣсколько глаголовъ, то составляютъ собою связь между ними. Нѣсколько глаголовъ, какъ нѣсколько сказуемыхъ извѣстнаго имени, могутъ быть только въ предложенїи сложномъ. Посему-то въ семь послѣднемъ союзы занимаютъ всегда самое значительное мѣсто. Они связываютъ именно частїи эпитхъ предложенїй, или же предложенїя главныя со вставочными.

Наконецъ *Мѣстоименїе* есть добавочная частъ рѣчи и служишь для опредѣленїя одного извѣстнаго предмета среди многихъ однородныхъ съ нимъ. Мы сказали, что имена существительныя суть означенїя или наименованїя предметовъ. Предметы, какъ явленїя, непрерывно возникающїя въ природѣ и въ жизни человека предъ нашимъ сознанїемъ, — безчисленны, несмѣшны. Но эта несмѣшность, эта безчисленность имѣютъ свое ограниченїе. Всѣ предметы, мыслимые нами, находящїяся въ большей или меньшей однородности между собою, и въ этомъ отношенїи совокупляются въ мышленїи нашемъ подъ извѣстныя цѣлыя, кои въ Логикѣ называются родами и видами. Въ понятїи рода сосредоточиваются существенные признаки извѣстнаго числа предметовъ. Признаки же, по коимъ сїи послѣднїе различ-

ся между собою и кои составляютъ ихъ недѣлимость, — относительны, переходящи и не имѣющъ для разума большей важности. Поэтому дѣлительность свою разумъ нашъ относитъ преимущественно къ родамъ и видамъ, и въ нихъ наблюдаетъ недѣлимые. Слово, какъ воплощеніе мышленія, должно отражать въ себѣ и это условіе. Никакой языкъ не содержитъ въ себѣ особыхъ реченій для выраженія предметовъ недѣлимыхъ (исключая лица); но родовыя и видовыя понятія всегда находятъ въ немъ свои наименованія. Единичныхъ изображеній языкъ не имѣетъ: они потребовали бы безчисленнаго множества словъ. Тамъ не менѣе бывающъ и довольно часто случаи, когда мышленіе наше наблюдаетъ и родовыя свойства въ недѣлимыхъ, следовательно слово человеческое должно выражать и сіи послѣднія, какъ составныя стихіи мышленія. Но вмѣсто того, чтобы давать каждому изъ этихъ недѣлимыхъ свое особое названіе, мы употребляемъ его родовое названіе и потомъ особую часть рѣчи для выраженія его недѣлимости. Эта часть рѣчи есть *мѣстоименіе*.

Такимъ образомъ мѣстоименіе служитъ для ограниченія одного извѣстнаго предмета среди многихъ однородныхъ съ нимъ. Ограниченіе это мы можемъ дѣлать прямымъ образомъ: или посредствомъ *указанія* на предметъ, или — посредствомъ *ограниченія* его въ числѣ другихъ однородныхъ съ нимъ; или наконецъ посредствомъ *исключенія*.

ченія его изъ этого числа. На этомъ основывающіяся различные виды мѣстоименій.

Разсмотримъ теперь общія свойства основныхъ стихій слова человѣческаго и постараемся приложить ихъ къ языку Русскому.

Слово, въ простѣйшемъ своемъ значеніи, есть выраженіе и какъ бы полное просіяніе мысли.—Сія послѣдняя всегда опносится къ сферѣ предметовъ внѣшнихъ, условливающихся собою сознаніе человека. Поелику же главное свойство всѣхъ сихъ предметовъ въ совокупности есть ихъ множество, ихъ количественность; по въ семъ опношеніи, главное условіе языка есть его *обиліе*. Мы можемъ называть его внѣшнимъ условіемъ языка потому что оно опносится преимущественно къ внѣшней стихіи слова, п. е. къ выражающему.

Другое свойство языковъ, условливающееся особенно внутреннею ихъ стихіею (мыслію), есть *сила* слова. Она опредѣляется способомъ представленія тѣхъ предметовъ, кои входятъ въ сферу нашего сознанія. Сила есть очевидно внутреннее свойство слова. Наконецъ *изящество въ благозвучіи* есть свойство, принадлежащее въ большей или меньшей степени всѣмъ языкамъ.

Мышленіе наше объемлетъ собою два міра: вещественный и идеальный. Посему и слово, какъ опраженіе мысли, должно также содержать въ себѣ два отдѣла реченій. Въ первомъ изъ нихъ очевидно должны содержаться слова,

относящіяся къ міру физическому; во второмъ — слова, относящіяся къ міру духовному. Обиліе въ первомъ отношеніи называемъ мы *внѣшнимъ*; а во второмъ — *внутреннимъ*. Внѣшнее обиліе языка имѣетъ мѣсто въ особенностяхъ въ томъ случаѣ, когда народъ, копорый говоритъ симъ языкомъ, обитаетъ на большомъ пространствѣ, ведетъ различныхъ родовъ жизнь, находится въ сношеніяхъ со многими другими народами; однимъ словомъ, когда отовсюду самыя разнообразныя впечатлѣнія поражаютъ его умственный взоръ. —

Условіямъ эпимъ вполне удовлетворяетъ языкъ Русскій, коимъ на самихъ различныхъ и обширнѣйшихъ мѣстахъ говорятъ милліоны. Вообще слова видимой природы, при множествѣ областныхъ реченій, составляютъ у насъ обиліе, какое трудно найсти въ другихъ языкахъ. Впрочемъ своихъ собственныхъ словъ, относящихся къ торговлѣ, искусствамъ, ремесламъ, различнымъ изобрѣшеніямъ, удобствамъ и пріятностямъ жизни, у насъ находится не много, а потому мы принуждены были заимствовать ихъ у другихъ народовъ, сосѣднихъ съ нами и успѣвшихъ болѣе, нежели мы, въ гражданской образованности. Что касается до внутреннего обилія словъ въ нашемъ языкѣ, то хотя въ наличности оно болѣе скудно, нежели внѣшнее его обиліе; за то предсказываетъ собою возможность достигнуть высшей степени развитія. Слѣдуетъ только сообразить по безпрестанно увеличивающемуся числу новыхъ реченій,

которое появляется вмѣстѣ съ появленіемъ новыхъ, самобытныхъ сочиненій на нашемъ языкѣ. Припомъ главный недостатокъ въ семъ отношеніи заключается не столько въ скудости, сколько въ неопредѣленности реченій. Но эти недостатки языка ученаго вознаграждаются у насъ обиліемъ иносказаній, особенно оживляющихъ нашу рѣчь.

Что касается до отличительныхъ свойствъ языка Русскаго въ измѣненіяхъ частей рѣчи *при произведеніи и составленіи новыхъ словъ*; то въ семъ отношеніи онъ имѣетъ много важныхъ особенностей, свойственныхъ только кореннымъ языкамъ. Скажемъ прежде о различныхъ родахъ именъ, а потомъ о глаголахъ.

Имена существительныя въ языкѣ нашемъ производятся и составляются или изъ другихъ именъ существительныхъ, или изъ именъ прилагательныхъ, или изъ числительныхъ, или изъ глаголовъ. Кромѣ того, вмѣстѣ съ другими Славянскими нарѣчіями, языкъ нашъ можетъ удобно замѣнять составныя слова особыми прилагательными. Далѣе, отечественныя имена наши встречаются только въ древнихъ языкахъ; увеличительныя и уменьшительныя имена имѣютъ у насъ разнообразнѣйшія назначенія и составляются съ большою легкостью, нежели въ какомъ либо Европейскомъ языкѣ. Наконецъ отсупствіе членовъ и предлоговъ при склоненіи, равно какъ и

лишніе падежи, съ одной стороны придають рѣчи гибкость, а съ другой — способствуютъ ея благозвучію. —

Имена прилагательныя соспавляются и производятся у насъ споль же различными способами. Особенно же изобилень языкъ нашъ въ спепеняхъ сравненія. *Имена числительныя* въ нашемъ языкѣ раздѣляются на нѣсколько опдѣловъ, кои суть: количественныя, порядочныя, собирапельныя и дробныя. Всѣ они рѣзко опдѣляются между собою не сполько значеніемъ, но и внѣшнею формою.

Мѣстоименія въ нашемъ языкѣ споль же разнообразны какъ по значенію, такъ и по формѣ. Одни изъ нихъ имѣють видъ существительныхъ, другія видъ прилагательныхъ. Замѣнимъ еще, что помощію мѣстоименій: сей, эптошь, оный, пошь,“ мы можемъ въ одно время различать при или четыре лица.

Перейдемъ пеперь къ *глаголамъ*. Производиль глаголы можемъ мы изъ именъ существительныхъ, прямо изъ предлоговъ, изъ прилагательныхъ, опъ числительныхъ, опъ междометій, даже опъ мѣстоименій.

Соспавленіе глаголовъ съ предлогами производится въ языкѣ нашемъ съ величайшею удобностію. Прибавимъ еще возможность соспавлять глаголы начинапельные, совершенные; — опличеніе родовъ въ прошедшихъ временахъ; — кратностъ дѣйствія и проч. — и мы убѣдимся, что глаголы наши

представляють величайшія преимущества, какъ въ отношеніи къ своему составленію и произведенію, такъ и въ гибкости измѣненій.

Въ отношеніи къ обилію словъ, должны мы замѣтить объ одномъ безцѣнномъ преимуществѣ языка Русскаго. Оно состоитъ въ томъ, что корни сего языка заключаюся въ немъ самомъ или въ языкѣ Славянскомъ, коего только дальнѣйшее развитіе представляетъ собою оный; между тѣмъ какъ многіе изъ языковъ Западныхъ имѣютъ свои корни въ мертвомъ языкѣ Латинскомъ.

Второе условіе совершенства языка, сказали мы, состоитъ въ его силѣ, этомъ внутреннемъ его свойствѣ. — Сила языка бываетъ или а) *Лексическая*, словособираательная, или б) *Грамматическая*, словоупотребительная. — Первая состоитъ въ коренномъ значеніи словъ и въ определенномъ употребленіи сего значенія; вторая, напротивъ того, въ грамматическомъ построеніи рѣчи.

Что касается до лексической силы словъ, ш. е. той, которая состоитъ въ определенности ихъ значенія; то въ нашемъ языкѣ она находится въ высшей степени. Это доказывается во первыхъ тѣмъ что, какъ только въ рѣчи нашей встрѣчается сколько нибудь непочное употребленіе какого либо слова, рѣчь эта уже становится темною.

Грамматическая сила нашего языка определяется преимущественно тѣмъ, что онъ не нуждается въ членахъ при именахъ; въ предлогахъ въ замѣну измѣненія окончаній по падежамъ; въ глаголахъ вспомогательныхъ при спряженіяхъ. Равнымъ образомъ сѣ послѣднія весьма часто обходятся и безъ мѣстоименій. Далѣе, въ языкѣ Русскомъ особенно часто употребляются причастія, а неопредѣленное наклоненіе поспавляется вмѣсто подлежащаго.

Въ другихъ языкахъ связь между частями предложенія выражается вспомогательнымъ глаголомъ *быть*. Нашъ языкъ допускаетъ это только въ немногихъ случаяхъ, вообще же не переноситъ. Это свойство однакожь придаетъ построенію нашей рѣчи особую силу, кою содѣйствуетъ еще и то, что если имя прилагательное поспавляется въ видѣ сказуемаго, то оно мѣняетъ свое полное окончаніе на усѣченное. Въ отношеніи къ управленію замѣчательна та особенность нашего языка, что въ немъ одни и тѣже слова, отъ различнаго значенія, получаютъ различное управленіе. — Опредѣлительности нашей рѣчи содѣйствуютъ: построеніе ея, независящее отъ предлоговъ, — родительный, поспавляемый послѣ дѣйствительныхъ глаголовъ, при означеніи части предмета или времени; — управленіе неопредѣленнымъ наклоненіемъ, зависящее отъ различнаго значенія предшествующихъ глаголовъ. — Наконецъ языкъ нашъ поль-

зуются самымъ удобнымъ словорасположеніемъ. Припомъ сіе послѣднее опредѣляется у насъ смысломъ самой рѣчи, такъ что одно и тоже реченіе, занимая различныя мѣста въ предложениі, имѣеть и различное, болѣе или менѣе важное, значеніе.

3. Третье условіе совершенства языка состоить въ его благозвучіи. Органу слова человѣческаго даны двѣ спихіи: гласныя и согласныя. Первыя изъ нихъ выражають преимущественно дѣйствія и движенія духа, (подлежательную спорону нашего мышленія); вторыя напротивъ—подражательно представляють внѣшнее, (слѣд. выражають подлежательную спорону мышленія). Первыя образують благозвучіе *эриемическое*, а вторыя—благозвучіе *эфоническое*.

Главное достоинство языка, въ отношеніи къ обоимъ симъ родамъ благозвучія, состоить въ томъ, чтобы оба они были сколь возможно полнѣе согласены въ немъ, п. е. чтобы съ одной спороны гласныя оплщались мягкостію и плавностію, а согласныя—полною и чиспоною звуковъ; съ другой же—чтобы переходъ отъ первыхъ къ послѣднимъ былъ сколь возможно легче и яснѣе и не образовывалъ собою какого либо опдѣльнаго, спраннаго звука, какъ это встрѣчается иногда въ необразованныхъ языкахъ Азіатскихъ.

Касательно удареній, можемъ мы замѣтить, что самое выгодное, въ отношеніи къ благозвучію,

чію, мѣсто ихъ находидься не въ началѣ реченія, какъ эпо въспрѣчаемъ мы весьма часпо въ языкѣ Англійскомъ, или не въ концѣ слова, какъ во Французскомъ, но въ срединѣ; ибо въ семь случаѣ удавленіе вполнѣ уравниваеть отдѣльные звуки, входящіе въ составъ реченія.

Опечесшвенный языкъ нашъ неоспоримо удо: влеспворяетъ всѣмъ симъ требованіямъ. При искусствѣ размѣщеніи разнообразныхъ звуковъ, онъ являеться вполнѣ музыкальнымъ. Съ одной спороны, мы находимъ въ немъ большое число разнообразнѣйшихъ согласныхъ, которыя не запрудняють произношенія своею дикоспію или спранноспію, но чистыхъ, полныхъ. Имъ пропиво-поставляються споль же разнообразныя гласныя; шакъ что гармоническое соединеніе тѣхъ и другихъ спановидься совершенно возможнымъ. Съ другой спороны, благозвучіе языка нашего и плавность рѣчи зависяють опъ искусстванаго размѣченія словъ. Припомъ размѣченіе эпо, по гибкоспи и обилію въ словахъ звукоподражательныхъ, можеть быть споль же разнообразно. Это легко подпвердидь многими мѣстами въ сочиненіяхъ классическихъ прозаиковъ нашихъ и поэшовъ.

Развитіе слова человѣческаго.

Слово современно первому пробужденію мышленія въ человѣкѣ. Человѣкъ только съ той минушы получилъ право назваться симъ именемъ для опличія отъ проспыхъ живопныхъ, съ копорой просіяла въ немъ мысль, эптопъ залогъ его небеснаго происхожденія. Пока онъ былъ лишень мышленія, лишень разума, онъ не былъ человѣкомъ; ибо способноспъ разумнія еспъ единспвенное и сущеспвенное его опличіе. Первое мышленіе человѣческое и первыйъ человѣкъ современны. И пакъ, чптобъ опредѣлишь первыйъ моменпъ слова человѣческаго, — моменпъ, коимъ началось все его развитіе, мы должны прежде обрапипъ вниманіе на свойспва самой мысли.

Каждая мысль наша еспъ быпие, совершенно *особное*, опредѣленное (конечное), и въ эптомъ опношеніи совершенно пропивоположное характеру *общности* (безразличія), копорый соспавляетъ собою опличительное свойспво сущности духа. Общая сущноспъ духа нашего и возникшее въ немъ предспавленіе (мысль) прямо пропивоположны между собою, и равно находясь въ содержаніи духовной жизни нашей, пѣсняшь другъ друга.

Эта взаимная противоположность сущности духа и возникшаго въ ней представленія (мысли) ведетъ за собою потребность рѣзкаго между ними отдѣленія.

Опдѣленіе эпо возможно только въ томъ случаѣ, когда мысль получишь ясное для себя выраженіе. Безъ этого послѣдняго обстоятельство мысль только смущаетъ духъ своею неопредѣленностью; потому что существенное свойство каждой изъ нашихъ мыслей есть особность. Чѣмъ особеннѣе мысль, чѣмъ опдѣленнѣе она въ сознаниіи нашемъ отъ всего съ нею соприкосновеннаго, тѣмъ яснѣе, опдѣленнѣе она, тѣмъ по большей причинѣ (a fortiori) она мысль. Величайшую же особность мысль обрѣтаетъ въ своемъ выраженномъ состояніи.

Мысль, какимъ бы то ни было образомъ выраженная, есть слово въ самомъ общемъ значеніи сего послѣдняго; потому что произведенія музыки, ваянія и всякаго другаго искусства равно ясно выражаютъ собою и опредѣляютъ мысль художника. Слово живо какъ жива сама мысль. Оно совершенствуется, упончается, вмѣстѣ съ совершенствованіемъ и упонченіемъ мысли. Изъ всего эпого взаимоотношенія, существующаго между мыслию и словомъ дѣлается понятнымъ; — взаимно отношеніе, которое, со стороны слова, опредѣляется выраженіемъ, а со стороны мысли — живоприврненіемъ и опдѣленіемъ. Звукъ и мысль въ словѣ, какъ шло и духъ въ организмѣ человеческомъ, сра-

спаются въ одно живое цѣлое. Такое общее отношеніе мысли и слова. Каково же въ частности было отношеніе ихъ въ первую минуцу жизни человѣка, существа мыслящаго и словеснаго ?

Первый человѣкъ *мыслилъ*: эпого пребовала природа его духа, его высочайшая природа. Первое спремленіе мысли было — къ ясности, къ особности, слѣдовательно къ *выраженію*. Съ другой спороны, поелику первый человѣкъ, организованный для мысли, былъ вмѣстѣ съ симъ организованъ для слова; по первый матеріаль, какой полько былъ готовъ для таковаго выраженія, какъ бы для воспріятія въ себя мысли, былъ *звукъ*, звукъ человѣческой, а посему способный ко всякой гибкости, ко всякимъ измѣненіямъ, ко всякому совершенствованію. Явспзуюеть, что *первое самобытное проявленіе мысли было проявленіе ея въ словъ*. Человѣкъ въ первую минуцу своего бытія, своего разума, не могъ довольствоваться тѣмъ, чтобы полько въ умѣ своемъ сохранять мысль. Какъ ничто самобытное, отдѣльное отъ общей сущности духа, мысль эта тѣснила сію послѣднюю и пребовала для себя рѣзкой особности — выраженія. Безъ эпого условія, мысль должна была, въ противность своей природы, пребованіямъ своей сущности, или оспаваться въ безпреспанной опасности потерять свою самосцоятельность въ жизни духа, исчезнуть въ ней, смѣшавшись съ общею, безразличною ея сущностію; или же оспаваться бытіемъ неопредѣленнымъ, неяснымъ,

пѣснипъ собою разумную сущность духа. Духъ, съ своей спороны, не опредѣляя, не созная вполнѣ мысль, пѣснящую его умспвенное быніе, долженспевать, поже въ пропивность своей природѣ, оспаваться сущеспвомъ спрадапелънымъ. Припомъ же дѣйспвіе мысли на общую сущность духа было несравненно сильнѣе въ первыя минуты умспвенной жизни челоука, нежели въ по время, когда сія послѣдняя достапочно начала созрѣвать. Потому по не безъ основанія въ прежнихъ философскихъ школахъ полагали, что пробужденіе духа нашего къ мышленію сопровождалось воспоргомъ. Надобно однакожь замѣспипъ, что мысль, если возникла въ жизни духа прежде нежели явилось слово, по уже самимъ явленіемъ своимъ она условливала сіе послѣднее; ибо мысль полько въ предѣлахъ слова еспъ мысль въ своемъ подлинномъ значеніи.

И пакъ слово современно пробужденію мысли въ челоука, современно первому челоуку; потому что, повторяемъ мы, то состояніе ея, въ коемъ она не получила яснаго, опредѣленнаго выраженія, противно самой природѣ ея; а ближайшій, естественнѣйшій матеріалъ для этого выраженія, она могла найти только въ звукъ самаго челоука. Подобно пому какъ мысль, рождаясь въ глубинѣ духовнаго организма нащего, соспавляетъ собою его благороднѣйшій вѣнецъ, звукъ челоука, исходя изъ глубины его пѣснаго организма, всего

болѣ свидѣтельствуетъ о благороднѣйшемъ и совершеннѣйшемъ устройствѣ сего послѣдняго.

Междометіями, какъ звуками, невыражающими никакой опредѣленной мысли, слово начаться не могло. Постараемся доказать это, основываясь на началахъ, уже предложенныхъ выше сего. Обыкновенно думаемъ, что человекъ, прежде нежели началъ мыслить, только чувствовалъ, т. е. что прежде нежели разуміе его дѣйствовало въ видѣ опредѣленныхъ понятій, оно сокрыто было въ пещерной области чувства. Выраженіемъ же дѣятельности чувства обыкновенно принимаюмъ междометіа, конечно въ противоположность слову, какъ выраженію собственно разумной дѣятельности человека. Посему, желая доказать что выражая свои мысли человекъ начался не междометіями, а самимъ словомъ, мы должны доказать, что духовная дѣятельность человека началась не чувствованіемъ, а разуміемъ. Очевидно и то, и другое относится къ одному духу человѣческому—это только различныя его дѣятельности въ различныхъ положеніяхъ. Какъ только человекъ явился расположеннымъ, приутопленнымъ къ мышленію, къ бытію собственно человѣческому, первое, что долженствовало поразить его, было разнообразіе міра внѣшняго. Когда сіи послѣднія возникли предъ явленій духомъ, первая дѣятельность сего послѣдняго, какъ бытія уже самобытнаго и призваннаго къ мышленію, состояла въ опредѣленіи сихъ явленій ошъ самого себя, въ противоположеніи того, что

я пому, что не - я. Это, какъ всѣми призна-
но, есть первый моментъ сознанія, съ коего на-
чалась вся духовная дѣятельность человѣка. Со-
знаніе же могло быть только актомъ разумнiя,
а не чувствованія; ибо человѣкъ, съ первой ми-
нуты своего бытія, очевидно со всею ясно-
стію различалъ себя отъ постороннихъ предме-
товъ. Если скажешь, что человѣкъ могъ и чув-
ствовать это различіе, то въ такомъ случаѣ
уничтожится всякое различіе между словами:
чувствованіе и разумнiе; ибо то, что ясно (ка-
ково на пр. оплічiе я отъ не - я), того чело-
вѣкъ не чувствуетъ, а ясно понимаетъ. При-
томъ, различая себя отъ предметовъ посторон-
нихъ, духъ человѣка долженствовалъ простиеръ
это различіе и въ самую сферу явленій внѣш-
нихъ: чтобы яснѣе сознавать самого себя, онъ
долженъ былъ различать и явленія, а для раз-
личенія необходимо уразумѣніе оныхъ. Тутъ - то
явились чувства собственно человѣческія, како-
вы чувства печали, радости, любви и проч. Они
могли быть только слѣдствіемъ жизни человѣка
въ обществѣ съ другими людьми. Люди же,
являсь въ обществѣ, уже были существами разум-
ными, мыслящими, сознавали себя, мыслили и мы-
сли свои выражали въ словѣ. Всѣ эти чувства-
ванія были конечно слѣдствіемъ разумнiя, раз-
мышленія. Святейшее чувство, которое возникло
въ душѣ человѣка, было религіозное вѣрованіе въ
Творца Вседержителя; но это, столь высокое чув-

спво, могло возникнуть только въ существѣ мыслящемъ, уразумѣвающимъ, сознательномъ. Оно было Откровеніемъ Неба, дарованнымъ самимъ Господомъ чловѣку, еще близкому къ лону Предвѣчнаго, его впервые воздѣлывшему. Какъ бы по ни было, изъ всего вышеизложеннаго видимъ мы, что всякой первоначальной дѣятельности духа чловѣческаго предшествовало сознание, дѣятельность разума, который утвердилъ самобытность чловѣка; видимъ, что чловѣкъ если и чувствовалъ, то чувствовалъ сознательно; — что первымъ актомъ бытія разумнаго, бытія собственно чловѣческаго, была мысль. Въ какой же словесной формѣ чловѣкъ впервые выразилъ эту мысль?—Форма сія не могла заключаться въ междометіяхъ (*); потому что междометія суть не что иное, какъ голосъ ощущеній сердца, голосъ темнаго чувства; а мы видѣли, что первыя минуны бытія чловѣческаго запечатлѣлись мыслию. Намъ могутъ возразить предложеніемъ, что и въ междометіяхъ чловѣкъ могъ точно также выражать свои мысли; но въ такомъ случаѣ должно уже допустить, что первыя междометія были не только пожественны съ самимъ словомъ по значенію, но и по устройству, которое, условливаясь выражаемою мыслию, долженствовало быть конечно органическое. Ясно однакожь, что различіе между

(*) Смч. Blair. Cours de rhétorique et de belles-lettres 1 vol.

паковыми междометіями и собственно словесною формою выраженія находилась только въ словахъ. Междометія, какъ отдѣльная часть слова, не могли бытъ первымъ голосомъ человѣка; потому что первая дѣятельность духа человѣческаго была не чувствованіе, но мышленіе, первоначально выразившееся въ самосознаніи.

Да и въ семъ послѣднемъ случаѣ, т. е. если бы человѣкъ началъ свою духовную дѣятельность не разумніемъ, а чувствованіемъ; но все это чувствованіе не могло бытъ простымъ ощущеніемъ сердца, которое всегда есть слѣдствіе тѣхъ или другихъ мыслей, а было чувствованіемъ сознательнымъ и выразившимся въ определенной мысли. Для выраженія же подобнаго чувствованія, междометія недоспапочны.

Какъ бы то ни было, мы видимъ, что главный законъ развитія слова человѣческаго заключается въ томъ, что это развитіе должно, во всемъ своемъ продолженіи, условливаться развитіемъ мысли, и что слово въ свою первую минуту должно было отличаться такою же организациею, какую находимъ мы въ немъ и въ дальнѣйшихъ степеняхъ его развитія.

Выше сего спарались мы доказать, что слово современно мысли и еще не что иное, какъ ея внѣшнее выраженіе. Теперь, основываясь на семъ послѣднемъ обстоятельстве, постараемся найти, въ какой именно словесной формѣ должна спговаривалась первоначально выразившаяся мысль?

Первоначальною степеню въ развитіи слова человеческого была конечно первоначальная его форма : *предложеніе*. Въспѣтъ съ симъ послѣднимъ явилось все по , что предполагаетъ оно собою ; слѣдовательно — имя , какъ естественное подлежащее , и глаголь , какъ естественное сказуемое. Прочія часпи рѣчи возникали по мѣрѣ того , какъ потребность ихъ условливалась развитіемъ мысли. Для того однакожь , чтобъ доказать это , мы должны , по всей очевидности , обратиться сначала къ природѣ и свойствамъ самой мысли.

Спрашивается , чѣмъ условливается мышленіе человеческое? Очевидно двумя данными : 1. *духомъ мыслящимъ* (произражающимъ мысли) и 2. *предметами мыслимыми* (составляющими матерію , предметъ нашего мышленія). То и другое изъ сихъ условій равно участвуетъ въ возникновеніи мысли человеческой. Нельзя приэтомъ не видѣть , что разумный духъ условливаетъ собою исключительно внутреннюю сторону мысли , само ея бытіе ; напрошивъ впечатлѣнія міра видимаго , представляя по , о чемъ мы мыслимъ , условливаемъ собою внѣшнюю , образную сторону мысли.

И такъ вся сфера мышленія нашего , разсматриваемая со внѣшней , подлежащельной стороны своей , есть не что иное , какъ въпорообразъ природы внѣшней. Въ сей послѣдней мысли человека не можетъ созерцать съ полнымъ соз-

навіємъ ея внутренней (безусловной) спороны, а постигаешъ только конечное (условное) ея бытіе. Другими словами, мысль челоуѣка непосредственно обнимать собою способна только феноменонъ, а не нуменонъ Природы.

Это неоспоримо въ отношеніи къ міру вещественному; но познающій духъ челоуѣка, будучи скованъ его плѣсною природою, споль слабъ, что даже, мысля о духовномъ, лишенномъ всякой вещественной формы, силился придашь ему сію послѣднюю, конечно съ шюю цѣлю, чпобы шѣмъ легче и удобнѣе созерцать своимъ умшвеннымъ взглядомъ чувшвенно - несозерцаемое.

Изъ этого видимъ, что хотя мысль челоуѣка съ одной спороны, именно какъ произведеніе безсмертнаго духа нашего, ешъ бытіе безконечное и безусловное, а съ другой, какъ шпорообразъ явленій природы сотворенной, бытіе условное, конечное и способное познавать только конечнымъ же и условнымъ способомъ. Эшопъ конечный и условный способъ познанія заключается именно въ шомъ, что разумъ челоуѣка въ процессъ своего мышленія, спарается облекать все, даже относящееся къ міру чиспо-духовному, въ какой либо видимый образъ.

Къ мышленію челоуѣкъ конечно былъ пробужденъ явленіями міра видимаго. Но все шо, что обрѣшается въ мірѣ чувшвенномъ, все шо, что существуетъ въ природѣ, какъ явленіе, какъ феноменонъ, подлежащъ, по необходимости, усло-

вѣямъ пространства и времени. Долженствую дасть себѣ опечеть въ сихъ явленіяхъ, человекъ долженствовалъ вмѣстѣ съ симъ обнять ихъ мыслію своею во всей полношѣ ихъ существованія, следовательно созерцать ихъ, не только какъ они существуютъ въ данную минушу въ пространствѣ, но и какъ они развиваются во времени; другими словами: онъ наблюдалъ вмѣстѣ бытіе и дѣйствіе, неизмѣнность и измѣняемость сихъ явленій. — Въ мірѣ слова, какъ въ полномъ опраженіи мышленія, очевидно съ перваго раза должны были утвердиться двѣ основныя части рѣчи: имя и глаголь. Первою изъ нихъ умъ человѣскій обнималъ бытіе предметовъ въ пространствѣ, другою во времени. Поелику же имя и глаголь, соединенные общимъ смысломъ въ одно цѣлое, производятъ *предложеніе*; по сіе послѣднее конечно *долженствовало быть первою словесною формою, въ которой человекъ началъ выражать свои мысли*.

Когда въ послѣдствіи мысль начала болѣе и болѣе развиваться, а умъ вмѣстѣ съ тѣмъ углублялся болѣе и болѣе въ бытіе предметовъ, онъ открылъ въ сихъ послѣднихъ новыя спорныя, которыя по прежнему онъ сперва различалъ, разобщалъ, а потомъ снова приводилъ къ единству. Но эти спорныя были уже вѣдочныя, частныя въ отношеніи къ двумъ первымъ: п. е. спорныя органическаго устройства въ пространствѣ и спорныя развиваемости во времени.

Этѣ новыя спорны были: количество, качество и отношеніе предметовъ. Такимъ образомъ возникли: имена прилагательныя качественныя, количественныя и относительныя; равно какъ и нарѣчія качества, количества и отношенія. И пакъ первоначальною словесною формою мысли было предложеніе; а сіе послѣднее впервые организовалось изъ имени и глагола, къ которымъ въ послѣдствіи органически же приросли и прочія частіи рѣчи.

Слово человѣческое, въ общемъ значеніи своемъ, соспоишь въ тѣхъ общихъ законахъ, по которымъ человѣкъ во всѣ времена и подъ всѣми широкими выражаетъ свои мысли. Но, въ наличіи своемъ проявленіи своемъ, оно разлагается на множество языковъ. Языки же въ свою очередь, разлагаясь на нарѣчія, составляютъ огромное, многовѣтвистое древо. Что касается до того, какія суть именно причины столь обширнаго разложенія одного и того же слова человѣческаго на столь большое число языковъ и нарѣчій, то причины этѣ подводятся подъ двѣ главныя. Изъ нихъ одна есть причина *внутренняя*, производящая различіе въ Грамматикахъ, а другая *внѣшняя*, имѣющая слѣдствіемъ различіе въ Словаряхъ.

Уже нѣсколько разъ говорили мы, что мышленіе наше условливается не только бытіемъ самаго духа мыслящаго, но и предметами мыслимыми, составляющими матеріалъ мысли. Также говорили мы, что основная цѣль всѣхъ дѣй-

спвйй мысленія еспъ полное самосознаніе. Но въ частности къ эпохй цѣли умъ челоѡька направляется болѣе или менѣе различными пушями. Пушпи и направленія эспи зависящъ болѣе опъ спой организаціи, копорую разумъ челоѡька получаещъ, переходя опъ общей сферы духовнаго бышпія челоѡьческаго въ спощъ или другой недѣлимый видъ. Такимъ образомъ возникающъ многоразличныя умспвенныя организаціи, спвойспвенныя пѣмъ или другимъ народамъ, пѣмъ или другимъ недѣлимымъ. Эспя многоразличносщъ даже необходима. Она конечно предполаааетъ собою разноспоронносщъ; а какимъ же образомъ можно вѣрнѣе достигнущъ цѣли, какъ не направившись къ ней и не обявщи ее съ различныхъ споронъ? Кромъ того характеръ умспвенной организаціи зависящъ ещѣ опъ спой спепенн развншпія, на коей вообще находищся духовная дѣящельносщъ всего челоѡьчеспва (*). Основныя спепенн спаковаго развншпія вырааюпщся паденіемъ однихъ народовъ и образованносщей, и смѣненіемъ оныхъ другими народами, другими образованносщями. Мысленіе, выраааясь въ словѣ, должно опрааашъ въ немъ и спвой особенный характеръ. — Такимъ образомъ въ липпперапурѣ народа можно наблюдащъ спспепенное развншпіе его мысленія (**). Въ успрошспвѣ же языка, коимъ онъ говорящъ, — его умспвенную организацію.

(*) Слич. Herder's Ideen etc.

(**) Tiedemanns Versuch etc.

Поелику же органическое устройство языка находимъ мы въ его Грамматикѣ; по сія послѣдняя бѣльшимъ или меньшимъ обилемъ особньхъ оборотовъ и способовъ выраженія, бѣльшею или меньшею силою и краткоспію сихъ оборотовъ, ихъ бѣльшею или меньшею живописноспію, показываесть пошь или другой характеръ самой мыслящей способности (*). Такимъ образомъ кажесть нельзя оприцасть, что въ устройствѣ языка древле-Греческаго опразилась вся полноша и гармоническое соглашеніе самыхъ различныхъ спихій въ жизни эпого народа (**). Пракшическій духъ Рима вполне проявился и въ языкѣ его, сильномъ и обиловавшемъ жизнію, какъ и самъ народъ. Языки новой Европы, долженствуюя выразить перевьсь спихіи чиснаго разума, господствующаго и въ мышленіи и въ обществѣ нашемъ, должны были конечно упроститься въ своемъ составѣ соопвѣспвенно пому, что и разумъ есь не только общій, но и простѣйшій дѣяшель въ жизни духа человеческого. Изъ новѣйшихъ языковъ Европы, Италіанскій благозвученъ по преимуществу. Онъ изященъ, какъ изячна сама жизнь эпого народа, хотя въ нѣкоторой мѣрѣ лишенъ силы, какъ можесть быть и самъ эпогъ народъ. Языкъ Французскій обильнѣе въ оборотахъ и сильнѣе,

(*) Wolf. Seite 81. 1 Bd.

(**) Должно въ этомъ опношеніи обратить вниманіе особенно на устройство Греческихъ глаголовъ.

нѣ , нежели Ипаліянскій. Языкъ Нѣмецкій какъ нельзя болѣе соопвѣпспвуеетъ возвышенной въ идеяхъ , и самой разноспоронней въ развиші , Липперашуръ Германской. Языкъ Русскій спроенъ , силенъ и гибокъ , какъ и , въ нравспвенномъ опношеніи , поетъ народъ , копорый на немъ говоритъ .

Мы видимъ , что первая причина разетъвленія языковъ заключается въ томъ , что мышленіе чело-вѣческое развивается разносторонне и притомъ подъ условіями времени и мѣста ; видимъ далѣ , что эта причина производитъ собою различіе въ Грамматикахъ . Разсмотримъ шеперь вторую причину онаго .

Человѣкъ , въ вещеспвенномъ своемъ соспавѣ , естъ сынъ земли . Она пишаетъ его произведеніями своей почвы , — силою пягопѣнія приковываетъ его къ своей поверхности , и до того усвоиваетъ себѣ все его тѣлесное сущеспваніе , что съ опняшіемъ воздуха опъемлетъ у него и жизнь . Это показывается , что тѣлесный организмъ чело-вѣка вполне зависиетъ опъ свойствъ планеты , и что тѣ или другія часпныя свойства сего организма зависяетъ опъ тѣхъ или другихъ часпныхъ свойствъ земной поверхности . Какъ бы по ни было , органы слова сущъ въ извѣспной мѣрѣ также достояніе нашего тѣлеснаго организма , слѣдовательно , подобно сему послѣднему , во многомъ зависяетъ опъ тѣхъ особыхъ свойствъ почвы и климата , подъ вліяніемъ коихъ рождается и возрастаетъ тѣло чело-вѣчес-

кос. Различіе органовъ произношенія конечно должно было вестн за собою и различіе въ самихъ звукахъ. Съ другой стороны, первоначальному различію языковъ содѣйствовало различіе впечатлѣній природы видимой, свойственныхъ той или другой странѣ. Въ эпикахъ двухъ обстоятельстввахъ заключается причина, что иные языки изобилуютъ болѣе плавными, другіе болѣе жесткими, прѣпн болѣе мягкими звуками. Эпа причина производитъ, слѣдовательно, различіе въ Словаряхъ.

И такъ образованіе языковъ опредѣляется взаимоотношеніемъ и образованіемъ основныхъ стихій слова человѣческаго вообще, кои суть: *мысль* и *звукъ*. Соотвѣственно симъ основнымъ стихіямъ слова каждый языкъ имѣетъ двѣ стороны: *органическую*, или *грамматическую*, и *неорганическую*, или *лексическую*. Особный характеръ мышленія, свойственный какому либо народу, выражается въ его языкѣ, и преимущественно въ органическомъ устройствѣ сего послѣдняго (въ его Грамматикѣ). Лексическая же сторона въ языкѣ зависитъ отъ времени и мѣста, къ которымъ относится эпоха языка, равно какъ отъ его гражданственности и сношеній съ другими народами, — словомъ отъ внѣшнихъ условій его жизни.

Мы видимъ, что Словарь и Грамматика какого либо языка имѣютъ происхожденіе различное. Но мѣра эпого различія уменьшится, если вспомнимъ, что и мышленіе, вмѣстѣ съ плеснымъ организмомъ человѣка, во многомъ зависитъ отъ впечатлѣній при-

роды, копорая окружаетъ челоѣка; что опъ условій почвы, на копорой обитаетъ народъ, зависитъ не только степень его вещественнаго благосостоянія, но и нравственной и политической самобытности; что племена, народы не разбросаны по Земной поверхности случайно и какъ нибудь, а размѣщены на ней перспомъ самого Провидѣнія.

Таково первоначальное образованіе языка. Разсмотримъ теперь его развитіе. Если начало, принятое нами, вѣрно; то, по всей очевидности, оно должно быть пригоднымъ и въ настоящемъ случаѣ, т. е. должно объяснять и опредѣлять собою не только образованіе, но и развитіе языковъ. Это потому, что всякое дальнѣйшее развитіе есть только слѣдствіе первоначальнаго образованія и въ немъ одномъ находить свое основаніе. Очевидно, въ общемъ развитіи языка, мы должны различать отдѣльное развитіе двухъ главныхъ его сторонъ: грамматической и лексической, какъ такихъ, копорыя имѣютъ различное происхожденіе.

Грамматическая сторона языка, какъ сторона его органическаго устройства, развивается въ собственномъ смыслѣ этого слова; потому что устройство это является даннымъ, неизмѣняемымъ съ первой минуты, въ которую народъ начинаетъ пользоваться самобытностью и съ теченіемъ времени только очищается и содѣлывается болѣе явнымъ. Поелику основа такого устройства обрѣтается въ самомъ характерѣ народнаго мышленія; то оно дается вмѣстѣ съ симъ послед-

нимъ. Какъ только народъ достигнетъ извѣстной степени самобытности или какъ только спихіи его жизни, долженствующія опредѣлить мѣсто, которое займетъ онъ въ политическомъ мірѣ, будутъ даны; тогда нравственная сторона бытія народнаго должна быть уже утверждена на прочныхъ основаніяхъ; ибо въ ней исключительно содержится спихіи этого рода. Между тѣмъ, какъ только нравственная самобытность народа утвердилась, какъ только утвердилось и слѣдствіе эпохи самобытности, особенность мышленія, — слово, какъ выраженіе дѣйствій сего самаго мышленія, должно уже отражать въ себѣ и характеръ сего послѣдняго. Обороты языка уже въ свою очередь должны быть болѣе или менѣе сильны, болѣе или менѣе живописны, болѣе или менѣе темны или ясны; а всѣ сего рода обороты, выраженія и проч. суть очевидная принадлежность Грамматики. Но первоначально нравственные, какъ и политическія и физическія силы народа находясь въ состояніи младенчества. Они еще близки къ минутъ своего возникновенія, а потому не успѣли достаточно обособиться, утвердиться. Также поэтому тогда не успѣлъ еще обособиться и особый характеръ его мышленія. Онъ еще не сосредоточенъ въ самомъ себѣ; онъ еще не создалъ своего отдѣльнаго міра, своей литературы. Онъ проявляется только въ немногихъ національных произведеніяхъ, каковы пѣсни, религіозныя гимны и проч. Поэтому же особый характеръ

мышленія не утвердился еще въ самомъ себѣ, но и особый характеръ языка равнымъ образомъ не могъ еще утвердиться. Именно по этой причинѣ формы и обороты языка въ началѣ довольно неопредѣленны. Нѣтъ писателей, нѣтъ липературы, — нѣтъ и людей, которые бы сознавали эти формы и обороты со всею ясностію. Когда же, съ распространеніемъ образованности, являющагося писатели; когда липература начинаетъ возникать; когда вмѣстѣ съ этимъ и національный характеръ мышленія начинаетъ болѣе и болѣе проявляться: тогда и языкъ постепенно очищается, постепенно открываетъ въ себѣ болѣе и болѣе запасы выраженій, оборотовъ, формъ, кои до того сокрыты были вмѣстѣ съ рѣзкими чертами нравственной и умственной самобытности народа. — Легко подтвердишь это выводъ примѣрами. Языкъ Русскій у Ломоносова не столь чистъ, какъ у Карамзина, у Карамзина не столь — какъ у позднѣйшихъ писателей. Вообще должно замѣтить, что Липературы особенно въ началѣ своемъ обыкновенно подвергаются вліянію другихъ уже образовавшихся липературъ. При этомъ это вліяніе, простираясь на мышленіе народа, простирается и на его языкъ. Такова судьба, въ этомъ отношеніи, всѣхъ липературъ Европейскихъ. Вспомнимъ о школахъ Ронсара во Франціи, — Опица, Бодмера, Гопшседа въ Германіи, — Ломоносова въ Россіи. Съ утвержденіемъ однакожъ полного са-

мосознанія, вліяніе эпо на мышленіе и на языкъ исчезаетъ. Эпо самое случилось у всѣхъ полько-чшо приведенныхъ мною народовъ.

Совершенно напроривъ, *Лексическая часть языка не развивается въ собственномъ смыслѣ этого слова.* Она — если полько позволено выразишья пакимъ образомъ — *неорганически нарастаетъ къ органической его основѣ.* Дѣйствительно! при самомъ происхожденіи своемъ, народъ уже обладаетъ, въ языкѣ своемъ, извѣсною массою словъ. Массу эпо онъ получаетъ, какъ бы въ наслѣдство, отъ шѣхъ племенъ, къ коимъ относится его происхожденіе. Въ послѣдствіи, отъ многообразныхъ условій его собственнй жизни, отъ сношеній его съ другими народами, возникаетъ въ немъ, вмѣстѣ съ возникновеніемъ новыхъ нуждъ, новыхъ познаній, и новое множество словъ, прибавляющихся къ первоначальной массѣ. Таковъ основной законъ развитія языка со стороны лексической. Какъ мы видимъ, эпо развитіе не есть развитіе, въ собственномъ смыслѣ, а *наращеніе*; ибо оно производится преимущественно внѣшними условіями и обстоятельствомъ, а не совершается помощью какой-либо внутренней, въ себя сосредоточенной, дѣятельности. Чшо касается до *главнаго закона сего наращенія*, то онъ состоитъ въ томъ, что всякое новое реченіе, возникая въ языкѣ или переходя въ него изъ другихъ языковъ, принимаетъ на себя *внѣшній характеръ и устройство*, свой-

ственные есть прочимъ словамъ сего языка. Опъ сего-по во многихъ языкахъ сущесвующъ цѣ-
 лья пысячи словъ иноязычныхъ, но усвоенныхъ
 ими и наконецъ превратившихся въ ихъ собспвен-
 ный соспавъ. Всего чаще вспрѣчаемъ мы эпо въ
 языкахъ позднѣйшаго происхожденія.

На основаніи всего вышеизложеннаго, весьма
 удобно вывеспи различные роды сродспва, сущес-
 свующаго между языками (*). Сродспво эпо, со-
 гласно съ самимъ ихъ образованіемъ, можетъ бытъ
 двоякое: *внутреннее*, или *грамматическое*, и *внѣш-
 нее*, или *лексическое*.

*Внутреннее сродство языковъ состоитъ въ со-
 гласіи ихъ грамматическихъ формъ и оборотовъ.*
 Въ эпомъ опношеніи, всѣ вообще языки сродны
 между собою, ибо во всѣхъ нихъ повпоряюцца одни
 и пѣже общіе законы слова человѣческаго, хотя
 вмѣспѣ съ пѣмъ въ каждомъ же изъ нихъ нахо-
 дится свое особое *видоизмѣненіе этихъ законовъ.*
 Опъ спенени сего-по видоизмѣненія и еще болѣе
 опъ его харакпера зависптъ большее или мень-
 шее внутрпнное сродспво двухъ языковъ. Если
 два какіе либо языка имѣюптъ много сходнаго въ
 оборотахъ рѣчи, въ соспавѣ именъ, глаголовъ, въ
 управленіи предлоговъ падежами, однимъ словомъ,
 много сходнаго въ Грамматикахъ своихъ; по не-
 лзя не заключптъ, что эпо языки близки одинъ

(*) См. Учен. Записки Имп. Московск. Универсипеша,
 часть 5. Весьма замѣчательны по этому предмету из-
 слѣдованія Ампера.

къ другому по своему происхожденію. Если бы даже они слишкомъ рѣзко разнились между собою въ лексическомъ отношеніи, но вмѣстѣ съ эпимъ сохраняли взаимную грамматическую близость; что и тогда ничто не препятствовало бы такому заключенію; ибо различіе словъ, какъ различіе звуковъ, могло произойти отъ случайныхъ, внѣшнихъ условій, каковы: переходъ изъ одного климата въ другой, по свойствамъ своимъ совершенно противоположный прежнему, — переходъ на новую почву, новое сосѣдство съ народами, совершенно чужеземными и проч. (*). Изъ этого мы видимъ, что важнѣйшее значеніе внутренняго сродства языковъ, т. е. ихъ грамматическаго сродства, имѣетъ мѣсто въ отношеніи къ историческимъ изслѣдованіямъ о происхожденіи народа. Такъ на прим. въ семь отношеніи было бы весьма поучительно представить сближеніе Грамматики Русскаго языка съ Грамматикою не только языка Санскритскаго, но и — языковъ Латинскаго и Греческаго.

Внѣшнее, лексическое, сродство языковъ состоитъ въ одинаковости корней словъ. Въ строгомъ смыслѣ, оно не имѣетъ такой важности, какъ сродство внутреннее, грамматическое; попому что существенная связь имѣетъ значеніе всегда высшее, нежели связь внѣшняя, а слѣдователь-

(*) Указываю въ этомъ случаѣ на отношенія нашего отечественнаго языка съ одной стороны, къ языкамъ Древнимъ, а съ другой, — къ языкамъ Западн. Европы.

но случайная. Мы же знаемъ, что именно эпого рода отношеніе существуетъ между грамматическою и лексическою сторонами языка. Какъ бы по ни было, въ лексической сторонѣ языка должно различать слова первой необходимости отъ словъ вторичныхъ и возникшихъ въ послѣдствіи. Таковы въ первомъ случаѣ реченія, относящіяся къ понятіямъ о личности, о существовавшихъ нуждахъ, о повсюдныхъ впечатлѣніяхъ природы, а во второмъ—слова, о коихъ понятіе зависитъ отъ гражданственности, свойственной тому или другому обществу, отъ того или другаго времени, мѣста и проч. Очевидно, *первыя* изъ сихъ реченій составляютъ *собственное достояніе народа* и его наслѣдство по происхожденію; между тѣмъ какъ *вторыя* — *приобрѣтаются въ послѣдствіи* и преимущественно во время сношеній эпого народа съ другими, въ коихъ сферѣ онъ совершаетъ свой политическій циклъ. Согласіе корней, принадлежащихъ первому изъ сихъ отдѣловъ Словаря, очевидно важнѣе, нежели согласіе корней второго отдѣла; потому что первое относится къ первымъ временамъ бытія народнаго, и слѣдовательно указываетъ на то, что вообще всего болѣе темно въ исторіи политической, п. е. на происхожденіе народа; между тѣмъ какъ второе, будучи слѣдствіемъ позднѣйшихъ сношеній и вообще развитія гражданственности, указываетъ на времена, болѣе доступныя Исторіи.

Изъ всего вышеизложеннаго мы выводимъ заключение, что важнѣйшее сродство между двумя языками бываетъ въ томъ случаѣ: когда они согласны между собою — во первыхъ, въ грамматическихкихъ формахъ, а во вторыхъ, въ корняхъ реченій, относящихся къ первоначальнымъ понятіямъ каждаго общества; что этого рода сродство можетъ служить однимъ изъ вѣрнѣйшихъ средствъ при розысканіяхъ о происхожденіи народа; — что впроиспепенное, слѣдовапельно менѣе значительное, сродство между двумя языками бываетъ въ то время, когда они согласны только въ корняхъ словъ позднѣйшаго происхожденія, — словъ, зависящихъ опъ взаимныхъ сношеній между народами, и сему подобнаго; — что этого рода сродство указываетъ только на позднѣйшія связи и сношенія одного народа съ другими. Замѣнимъ, что перваго рода сродство находится, быть можетъ, между языкомъ Русскимъ и языками древними, а втораго рода — между Русскимъ и ново-Европейскими языками.

Происхожденіе языка Русскаго конечно весьма тѣсно соединено съ происхожденіемъ самаго народа. Сіе же послѣднее составляетъ одинъ изъ самыхъ спорныхъ предметовъ въ мірѣ Русской учености. Впрочемъ, кпобъ ни были завоеватели Славяно — Русскихъ племенъ, Норманны ли, Казары ли, или совсѣмъ не было у нихъ никакихъ завоевателей, — во всякомъ случаѣ языкъ Славянской сохранился на Руси въ доспапшочной грамматичес-

кой и лексической чистотѣ; такъ что вопросъ о происхожденіи языка Русскаго непосредственно переходить въ вопросъ о происхожденіи языка Славянскаго, а сей послѣдній конечно будетъ разрѣшенъ тогда только, когда ученые соотечественники наши, познакомившись доспапочно съ языкомъ Санскрипскимъ и другими коренными и первобытными языками, поспрудятся сдѣлать полный и точный сводъ Грамматикъ и Словарей сихъ языковъ. Что касается до опличій, сущесвующихъ между языкомъ Русскимъ и другими Славянскими нарѣчїями; то сія опличїя возникли только въ различныхъ періодахъ развитїя опечесвеннаго, нашего языка.

Періоды сія простираются числомъ до четырехъ и суть: 1) періодъ Византїйскаго вліянія, 2) періодъ Польско-Латинскаго вліянія, 3) періодъ вліянія Западно-Европейскаго, и наконецъ 4) періодъ самобытности.

Въ продолженіи своемъ, всѣ сія періоды обнаружили сильное вліяніе чужеземныхъ языковъ на Русскій; пошому что писатели наши не только заимсвовали слова изъ языковъ, коихъ Словесностями слѣдовали, но и вносили въ свои сочиненїя цѣлыя обороты и грамматическія построенїя, принадлежащїя эпимъ языкамъ. Нельзя сказать, что бы опъ эпого сколько нибудь пошерпѣлъ органической соспавъ языка; напротивъ чужезычные обороты, копорые спачала въ рѣчи Русской были неспешсвенны и насильсвен-

ны, впоследствии, сделавъ некопорыя успулки самому духу языка, усвоились эпимъ языкомъ, а симъ самымъ, его обогатили. Мало того, въ борьбѣ съ эпими насильственными нововведеніями, языкъ нашъ упончился въ своей основѣ, усилился, уразнообразился. Припомъ же, въ удовлетвореніе самолюбія народнаго, нельзя не замѣшпшь, что главный характеръ Русскаго языка и Словесности состоипшь не только въ постепенномъ освобожденіи опъ вліянія чужеземныхъ литературъ и языковъ, но и въ постепенномъ водвореніи грамматической самобытности въ языкѣ, вмѣспъ съ самоспопшельностію въ мысленіи. Такимъ образомъ, въ своемъ первомъ періодѣ, еся наша письменность - была поглощена ученостію Византійскою. Языкъ произведеній письменности, по большей части переводившихся съ языка Греческаго, былъ шакже подъ рѣзкимъ вліяніемъ сего послѣдняго. Но Польско - Лапипское вліяніе уже приблизило насъ къ Европѣ; а вліяніе Европейскихъ Словесностей пробудило пошребность самобытности въ языкѣ и литературѣ, непъемлемо принадлежащую нашему времени. Бросимъ взглядъ на каждый изъ сихъ періодовъ порознь.

Періодъ Византійскаго вліянія на нашу письменность продолжался до половины XVI сп. Въ это время, хотя уже прошекло спольшіе со времени паденія Византіи; но духъ, водворенный ея свяпшителями въ нашей письменности, оспавался еще во всей силѣ. Періодъ этого вліянія можешъ

раздѣлился на два отдѣленія, именно: 1) до основанія Великаго Княжества Московскаго, или до Митрополиша Кипріяна, и 2) опъ сего послѣдняго до половины XVI сп.

Къ первому отдѣленію опносится довольно много памятниковъ письменности, каковы между прочими: Русская Правда, Лѣтопись, написанная, какъ думаемъ, Преп. Несторомъ, Слово о Полку Игоревѣ и проч.; но всѣ сіи памятники, равно какъ и историческія событія того времени, пребуду неоспоримо почтѣйшихъ, критическихъ розысканій. Все это отдѣленіе перваго періода есть обширное поле для критики. Впрочемъ важнѣйшій памятникъ письменности сего времени есть переводъ книгъ Свящ. Писанія. Должно замѣтить, что въ переводъ этою удержаны многія Грамматическія формы языка Греческаго, а попому нельзя, на основаніи этого перевода, сказать что либо рѣшительное о первобышнемъ языкѣ Русскомъ. Впрочемъ переводъ сей, будучи въ непрерывномъ употребленіи, не могъ не имѣть сильнаго вліянія на отечественный языкъ; такъ что по сей самой причинѣ многіе обороты языка Греческаго должны сповали бытъ усвоены въ языкъ Русскомъ.

Второе отдѣленіе періода Византійскаго вліянія замѣчательно большимъ числомъ ученыхъ богослововъ, жившихъ въ Россіи, сочинявшихъ и переводившихъ различныя духовныя писанія и приходившихъ въ отечество наше большею частію изъ Ви-

зантіи, Сербіи и Болгаріи. Таковы были Мипрополи-
пы: Кипріанъ, родомъ Сербъ, Максимъ, род. Грекъ,
Епископъ Вассіанъ Рыло, Мипрополипъ Макарій
и многіе другіе. Вообще въ XIV стол. испоричес-
кій быпъ Русскаго народа приемень совершенно
новый видъ; ибо полипическая самобыпность на-
рода Русскаго начинается со всею силою укорен-
япья. Самобыпность же полипическая ведетъ
за собою попребность самобыпности въ образо-
ваніи, копорая условливаетъ собою и самоспо-
пельность языка. Замъпимъ, что сямъ послед-
нимъ обспояпельспвамъ весьма много содъиспво-
вало положеніе Москвы, копорое, удаляя ее отъ
всѣхъ образованныхъ народовъ Запада, спспавляло
вмѣспъ съ пѣмъ въ средопочіе всѣхъ Русскихъ
Княжеспвъ, всеі Русской жизни, а эспимъ,
какъ бы уединеннымъ, сосредопоченіемъ народныхъ
силъ оно позволяло имъ развивапья свободно и
въ своей собспвенной сферѣ. Въ эпомъ отношеніи
уединенность и даже дикость положенія спполи-
цы была выгодна для опечеспва нашего; хопя въ
самъ последнемъ самобыпности языка и образо-
ванности суждено было быпъ слѣдспвіемъ поль-
ко долговременной борьбы съ иноземными вліяні-
ями. Кіевъ въ эпомъ періодѣ начинаепъ сбли-
жапья съ Польшею и приобръпаетъ ея обра-
зованность, копорою въ последспвіи онъ споль-
рѣзко дъиспвуетъ на Сѣверную Русь. Каса-
пельно языка нашего въ эпомъ періодѣ, мож-
но вообще сказапъ слѣдующее. По недоспапку

окончательной умственной образованности и народного самосознания, язык наш находился тогда еще в состоянии младенческом. По сему самому грамматическія формы не могли быть съ должною точностію опредѣлены; а употребленіе словъ и измѣненія ихъ зависѣли болѣе или менѣе отъ произвола. Тѣмъ не менѣе языкъ этого періода, какъ словесное выраженіе одной изъ степеней умственной развитія, имѣетъ свои особенности. Сіи послѣднія съ должною оппечливостію не опредѣлены еще въ ученѣмъ мірѣ, конечно попому, что подобное дѣло можеть быть слѣдствіемъ только совершенно окончательнаго филологическаго и критическаго разбора письменныхъ памятникѣвъ того времени. Подобный же разборъ немогъ еще быть сдѣланъ попому даже, что многіе изъ важныхъ памятникѣвъ языка этого періода почти до нашего времени не были приведены въ извѣстность. Письменные памятники этого періода, касапельно языка, могушь быть раздѣлены на два опдѣла. Къ первому изъ сихъ опдѣловъ опносятся духовныя писанія, какъ то: церковныя книги, поученія, посланія свѣпшителей, благочестивыя разсужденія и проч. Всѣ они въ грамматическомъ опношеніи не могли не сохранить вліянія Греческаго. Ко второму опдѣлу должно опнести сочиненія свѣпскаго содержанія. Таковы особенно различные роды граммашъ, дошедшихъ до насъ, равно какъ и произведенія самаго народа, т. е. пѣсни, сказки, пословицы и проч. — На нихъ по филологъ долженъ

обратитъ особое вниманіе, при опредѣленіи какъ грамматическихъ формъ, такъ и лексическаго значенія словъ Русскихъ въ эпоху періодъ. При этомъ эти филологическіе выводы должны быть поспоянно повѣряемы тѣмъ образомъ мыслей, тѣми понятіями и вѣрованіями, которыми долженъ спво-вали быть господствующими въ Русскомъ обществѣ того времени.

Наконецъ должно замѣтитъ объ одномъ важномъ явленіи собственно народной, умственной дѣятельности въ эпоху періодъ: я разумью — цѣлый міръ пословиць, изъ коихъ многія дошли до насъ. Это есть одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій въ исторіи литературы. Оно конечно должно имѣть тоже значеніе, какое имѣетъ и народный эпосъ. Только въ семь послѣднемъ обнаруживается полный перевѣсъ фантазіи, сего дѣятельнаго дѣятеля мышленія; тогда какъ въ пословицахъ — перевѣсъ чистаго практическаго разума, эпоху высшего и самаго зрѣлаго дѣятеля въ жизни духа человеческого. Изъ сего общепонятельства, видимъ, что въ младенчествѣ нашемъ преобладавала не фантазія, но практическая умъ; а это можетъ многое объяснить въ философической исторіи нашего общества.

Періодъ Польско - Латинскаго вліянія. — XVI стол. составляетъ собою въ исторіи Русской литературы совмѣщеніе двухъ образованностей. Первая изъ нихъ состоитъ въ господствѣ богословскаго Византійскаго вліянія, которое все еще

продолжается и коего средопочіемъ оспаеиця Москва. Оно спало искореняиьясь пошько въ иеходѣ XVI и въ началѣ XVII спол. Второе соспоишь въ перевѣсъ Польско-Лапинскаго вліяиія, коего зародышь опносицца еше къ началу XVI сп. Оно имѣло своимъ средопочіемъ Кіевъ и ушвердилось здѣсь съ того времени, когда эшимъ городомъ и всею Сѣверскою землею овладѣли Липовскіе Князья. Вліяиію эпому много содѣйспвовало ушверженіе Уни въ южной Россіи, копорое, будучи слѣдспвіемъ политики Римскаго двора, не могло не принесть съ собою, въ нѣдра Опечества нашего, ученій западнаго Духовенства. Между тѣмъ въ юго-западныхъ обласпяхъ Россіи, гдѣ особенно ушвердилась Унія, оспавалось множесство православныхъ Христіанъ (въ помъ числѣ весь Малороссійскій народъ, кровію искупившій свое Православіе). Спшто православные Христіане, сохраняя свою Религію, не могли не подчиницца Западному вліяиію въ опношеніи къ письменности. Они были въ поспоянныхъ сношеніяхъ, часпю непосредспвенно съ Москвою, часпю же посредспвомъ Кіева, и конечно симъ пупемъ усиливали вліяиіе Запада на нашу липперашуру. Еше болѣе сему вліяиію содѣйспвовало шо, что многіе изъ Іерарховъ Московскихъ, какъ на прим.: Теофанъ Прокоповичъ, Стефанъ Яворскій и друг., получили свое образование въ Малороссіи и Польши. Вліяиіе Польско - Лапинской учености на Русскую образованность продолжалось до начала XVIII спо-

льпія , когда Европеизмъ , введенный въ Россію Пешромъ Великимъ и ушвердившійся въ Пешпербургъ, началъ оное мало по малу испреблять. Должно однакожь замѣшпшь , что слѣды эпого вліянія оспавались еще въ Москвѣ до конца XVIII спольпія.

Эпо Польско-Лапинское вліяніе на нашу письменность и языкъ началось, какъ мы сказали, еще въ XVI сп. Слѣды его вспрѣчаемъ мы даже въ сочиненіяхъ Кн. Курбскаго. Но Кіевъ былъ тогда средпоцѣмъ эпого вліянія, и въ немъ оно господствовало со всею силою. Ученые, въ расположеніи рѣчи, слѣдовали конспрукціи Лапинской , въ рѣчь сію вносили выраженія Польскія. Въ XVII сп. эпо вліяніе усилилось въ самой Москвѣ, чему съ своей спорны содѣйствовало учрежденіе Славено-Греко-Лапинской Академіи, въ коей многіе изъ наславниковъ были по происхожденію Малороссіяне и Бѣлорусцы, получившіе припомъ свое образование въ Польшѣ. Въ эпомъ по спольпіи образовался у насъ такъ называемый *Бѣлорусскій* или *Рускій* языкъ , копорый въ лексическомъ отношеніи былъ не что иное , какъ смѣсь Польскихъ , Лапинскихъ и Русскихъ словъ и выраженій , а въ грамматическомъ и рипорическомъ—проспой и неудачный слѣпокъ съ языка Лапинскаго. Впрочемъ въ то время спряженія и склоненія не были съ должною точностью опредѣлены и не имѣли поспоянныхъ правилъ. Симъ языкомъ писали: Сильвестръ Косовъ, Пешръ Могила, Иннокеншій Гизель, Аншоній Радивиловскій, Лазарь

Барановичъ, Симеонъ Полоцкій и другіе духовные писатели, образовавшіеся въ Польшу или подъ ея вліяніемъ. Многіе изъ ученыхъ того времени даже щеголяли полонизмами въ своихъ сочиненіяхъ. Замѣтимъ, что эпо искаженіе языка просперлось, можеть быть, даже на нѣкопорые памятники древней нашей письменности (*). Къ счастью Польско-Лапинское вліяніе на нашъ языкъ дѣйствовало не долго во всей своей силѣ. Въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII сп. оно примѣшно ослабѣло. Доказательствомъ этому служатъ сочиненія Стефана Яворскаго и особенно Св. Димитрія Ростовскаго, писавшаго, по большей часпи, на чистомъ Славяно-Церковномъ языкѣ. Даже у Оеофана Прокоповича, получившаго свое образованіе въ Польшу, встрѣчаемъ большую разницу между первыми и позднѣйшими его рѣчами. Поспоянно живя при дворѣ Петра Великаго, въ кругу чиста Русскихъ вельможъ, онъ не могъ не сдѣлать успѣховъ въ языкѣ Русскомъ. На содержаніе и духъ сочиненій эпого періода Польско-Лапинская ученость имѣла особенно по вліяніе, что утвердила въ нихъ схоластицизмъ, со всѣми его слѣдствіями. Эпопъ періодъ, равно какъ и предшествовавшій, изобилентъ діалектическими и богословскими сочиненіями. Причина эпому можеть состоять конечно въ томъ, что Церковь наша была поспоянно обуреваема Каполическими ученіями, поборники коихъ всячески спарались ввести у насъ свою вѣру. Эпому со всею силою

(*) Какъ напр. на Слово о Полку Игоревѣ.

и поспоянно пропивоодѣйствовало испный духъ Русскаго Православія.

Оспаешся сказаць о вліяніи Польско-Лапинской ученоспи исключительна на духъ Русскаго народа. Въ семъ опношеніи оно было ничпожно, ибо ни народъ, ни высшее сословіе не подверглись ему. Оно исключительна дѣйствовало на Духовенство. Посему-то сіе послѣднее всего поздне подчинилось Западно-Европейскому вліянію въ своихъ сочиненіяхъ. Высшее сословіе до Петра Великаго и народъ оставались у насъ въ простопѣ и необразованности. Но эпа простопы, эпа необразованность были спасительны. Надобно замѣнить что опъ эшого періода дошло до насъ и нѣсколько опголосковъ чиста Русскаго духа, но они довольно незначительны и шѣмъ болѣе неизвѣстны, что сочиненія, пропивоположныя имъ по духу, пользуются извѣстностию довольно значительною.

Періодъ вліянія Западно-Европейскихъ Словесностей на нашу опечесвенную былъ предуготовленъ еще Петромъ Великимъ, хотя начался только въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны, гениемъ Ломоносова. Переходъ опъ предшествовавшего періода къ этому мы видимъ въ сочиненіяхъ Кн. Кантемира, коихъ языкъ носитъ на себѣ рѣзкіе слѣды Польско-Лапинскаго вліянія, но кои, вмѣстѣ съ шѣмъ, по содержанию и духу, суть слѣдствіе чиста Европейскаго образования. Ломоносовъ былъ мы-

слишель самостоятельный, въ спрогомъ смыслъ эпого слова; но образованіе, полученное имъ, не опличалось самобытносною мышленія, не было проникнуто глубокимъ, философическимъ духомъ. Тѣмъ не менѣе образованіе эпо было самое разноспороннее, попому что Москва, Пешербургъ и Германія того времени конечно должнысповали оспавить въ умъ Ломоносова впечатлѣнія самыя различныя. Главная заслуга сего писателя состоить во первыхъ въ томъ, что онъ первый сообщилъ словесности нашей характеръ совершеннаго Европеизма, и во вторыхъ, что силою своего генія онъ сообщилъ самыя разнообразныя направленія умственной дѣятельности въ нашемъ опечесствѣ: стихопворству какъ и свѣско-ораторскому искусству, учености какъ и произведеніямъ легкой прозы. Во всѣхъ сихъ сочиненіяхъ однакожь, въ большей или меньшей степени, Ломоносовъ былъ подражателемъ Европейскихъ писателей. Опъ того-то, хотя, какъ геній первошпенный, онъ и съ ясностью сознавалъ формы и выраженія опечесственного языка, хотя и обезсмертилъ себя введеніемъ въ немъ понического стихосложенія; но, при всемъ томъ, у него находилса множество словъ собственно Славянскихъ, нынѣ неупотребительныхъ, равно какъ и оборотовъ и синтаксическихъ построеній Нѣмецкихъ и Латинскихъ, кои въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣлають языкъ его даже темнымъ. Подражатели и современники Ломоносова, не имѣя его дос-

поинствъ , распросрачили его недоспашки , касашельно языка. Чшо касаетса до благодъпельнаго влянія Московскаго Университета на опечеспвенный языкъ , шо , въ царспвоаніе Императрицы Елисаветы Петровны, эшо вляніе начинало только упверждашьса, и прямыхъ слъдспвій и плодовъ не могло еще имъшь, по причинъ даже недавняго основанія Университета. Какъ бы шо ни было, Ломоносовъ опредъляетъ собою первую спепень развитія и усовершенспвоанія опечеспвеннаго языка нашего въ прешьемъ періодъ нашей Словесности ; — опепень , на коей не маловажное значеніе принадлежишь Сумарокову и другимъ.

Державинымъ , Фонъ - Визинимъ и вообще писашельми Екаперина вѣка, опредъляется вшорая спепень эшого развитія. На ней , особенно въ легкой прозѣ и въ спихоспворспвѣ , языкъ нашъ очиспился почти окончательно , какъ въ лексическомъ , шамъ и въ граммашическомъ опношеніи. Конечно и въ эспихъ опношеніяхъ еще можно найши нѣкопорыя погрѣшности у писашелей шого времени ; но эспѣ погрѣшности маловажны и пошому не могутъ быть принимаемы въ соображеніе , шмъ болѣе , чшо онѣ имѣли слъдспвіемъ болѣе шяжелосшь слога, нежели его нечиспшюу. Очищенію языка нашего въ эшо время весьма много способспвовали благошворныя дѣйствія Россійской Академіи и Московскаго Университета. Россійская Академія, осно-

ванная Императрицею Екашериною Великою , по самому назначенію своему, имѣла цѣлю развитіе и усовершенствованіе языка опечеспвеннаго. Къ эпохѣ цѣли она поспоянно спремилась и продолжаетъ спремиться всегда со столь же великимъ рвеніемъ, какъ и успѣхомъ. На развитіе языка Русскаго Академія дѣйствовала, если можно шакъ выразиться, болѣе теоретически, тогда какъ Московскій Университетъ съ своей стороны болѣе практически. Эпо теоретическое вліяніе на опечеспвленное слово соспояло именно въ изданіи Грамматики языка Русскаго и другихъ полезныхъ книгъ и въ составленіи Словаря, копорый и досель служилъ еще надежнѣйшимъ руководствомъ въ изученіи опечеспвленного слова. Замѣтимъ, что дѣйствія Академіи Россійской были оцущипельны и со всею силою распространились преимущественно въ царствованіе Императора Александра Павловича, когда Академія трудами своими успѣла окончательно утвердить свое вліяніе на языкъ во всѣхъ классахъ народа. Съ другою спорою, Московскій Университетъ, какъ мы уже сказали, дѣйствовалъ болѣе практически. Дѣйствование эпо соспояло во первыхъ, въ помѣ образованіи, копорое многіе молодые соопечеспвенники наши получили непосредственно въ самомъ Университетѣ; во вторыхъ, въ образованіи большаго числа достойныхъ учипелей и наставниковъ, копорые, въ свою очередь, разлили свѣтъ науки и распространили правильное познаніе опечеспвен-

наго языка по всѣмъ часпямъ Имперіи; (*) въ прешпихъ, въ образованіи писателей, коихъ произведенія конечно должны бытъ размашриваемы какъ плодъ самаго Университета. Съ другой стороны, очищенію языка нашего много, хопя и посредственнымъ образомъ, содѣйствовало распроспраненіе знаній и искусствъ, копорыя обильнымъ попокомъ ринулись въ наше опечество, въ царствованіе Императрицы Екаперины Великой. Опъ совокупнаго дѣйствія всѣхъ сихъ причинъ, языкъ Русскій, на эпоѣ спенени своего развитія, оказалъ большіе успѣхи на пути къ совершенствованію, хопя, какъ выше сего уже замѣчено, нѣкошорая нечистота и въ слогѣ и въ самомъ немъ еще оставалась. Но важнѣйшими недостатками его въ то время были, во первыхъ, бѣдность въ лексическомъ опношеніи, и преимущественно въ языкѣ наукъ, знаній и искусствъ, а во вторыхъ, неясное и неопредѣленное сознаніе формъ и употребленій грамматическихъ. Впрочемъ обратимъ вниманіе и на то, что совершенство въ сихъ двухъ опношеніяхъ есть удѣль окончательнаго развитія умспенныхъ силъ въ народѣ и періода цвѣшенія въ липпературѣ.

Карамзинъ, особенно позднѣйшими своими сочиненіями и преимущественно Исторіею Государства Россійскаго, соспашляетъ прешпую спенень развитія опечественнаго слова. Имъ начинается

(*) Замѣшимъ, что этому обстоятельству также много содѣйствовало средопочное положеніе Москвы въ сферѣ Русской жизни.

не только легкая и изящная, но и совершенно правильная Русская проза. На этой степени грамматическая спорная языка нашего уже оциспшлась и основалась вполне, чего, замѣшимъ мы, прежде не было, хотя въ лексическомъ отношеніи все-еще были недоспапки. Они соспопшъ, во первыхъ, въ упопробленіи нѣкопорухъ не Русскихъ словъ, кои хотя усвоились было въ языкѣ нашемъ, но излишни; поштому что, безъ всякаго ущерба, могутъ быть замѣнены собспвенно Русскими словами (**), а во вторыхъ въ недоспапчномъ количеспвѣ словъ. Слѣд. все еще оспаепся нѣкопоруая бѣдноспъ, особенно въ словахъ изъ міра умспвеннаго, правспвеннаго и полипического. Заслуга Мерзлякова и писашелей, за нимъ слѣдовавшихъ, соспопшъ именно въ поспепенномъ изглаженіи сихъ недоспапковъ и въ возведеніи ошечеспвеннаго языка на спепень полной правильности и самобышности. Не упоминаю о мужахъ, сему въ особенности содѣйспвовавшихъ. Скажу только, что новый періодъ языка нашего и Словесности начался въ благословенное царспвованіе Императора Николая Павловича, когда вмѣстѣ съ утверждепіемъ любви и уваженія ко всему національному, начался и періодъ нравспвенной, липпературной и умспвенной самобышности.

(**) Таковы на пр. папура вм. природа, шалапшъ вм. дарованіе., героизмъ вм. доблесъ, и друг.

ПОЛОЖЕНІЯ.

1. Внѣшнее выраженіе мыслей есть существенно необходимая потребность для всей дѣятельности мышленія.

2. Изъ всѣхъ способовъ, какими только человекъ обладаетъ для выраженія своихъ мыслей, онъ преимущественно долженъ сповалъ избрать словесный, или, выражаясь точнее, поническій способъ.

3. Реченія сами собою соотвѣствуютъ простой матеріаль языкъ, и, внѣ собственно словесной формы, не содержатъ въ себѣ никакого органическаго устройства.

4. Основная органическая словесная форма для выраженія нашихъ мыслей есть предложеніе.

5. Соотвѣственно существеннымъ категоріямъ нашего мышленія (количеству, качеству и отношенію предметовъ), глаголь и имя существительное измѣняются для означенія сихъ категорій. Припомъ измѣненіе ихъ по категоріи отношенія опредѣляется взаимоотношеніемъ имени и глагола.

6. Слово человеческое современно первому пробужденію мышленія въ человекѣ.

7. Развипіе слова челоуѣческаго, во всемъ своемъ продолженіи, условливаеця развипіемъ мысли.

8. Причины различіа языковъ сводяпся къ двумъ главнымъ. Мышленіе челоуѣческое, развиваясь разносторонне и припомъ подъ условіями времени и мѣста, производить различіе въ Грамматикахъ. Извѣстное положеніе народа въ Испоріи, климатъ и вообще свойства почвы, на которой онъ обитаецъ, условливають собою различіе въ Словаряхъ.

9. Сродство языковъ, согласно съ ихъ образованіемъ, можетъ быть двоякое: Грамматическое (внутреннее) и Лексическое (внѣшнее). Первое важнѣе втораго.

891.7021

Y37

14244500

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES

0114244500

BUTLER STACKS

OCT 23 1947

JAN 23 1951

